

Семен Гаврилов

Следы на земле

Sholumi

Центр сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев

Israel, 2019

Центр “Sholumi” выражает благодарность
Президенту Международного Фонда СТМЭГИ
Герману Рашбиловичу Захарьяеву
за содействие в издании этой книги.

Семён Гаврилов / Следы на земле. Центр “Sholumi”, 2019. 108 с.

© Центр “Sholumi”, 2019
© Семён Гаврилов, 2019

*Раздумья
Зарисовки
Эссе*

Следы на земле

Вы обращали внимание – сколько следов на земле.

Каких только следов нет – птиц и животных, деревьев, растущих сейчас и росших много веков назад, развалины древних городов и исчезнувших цивилизаций...

Но больше всего следов человека. Здесь следы мужские, женские, детские...

Вы когда-нибудь всматривались в следы человека. В самом начале след нечеткий, шаги неуверенные, ножка маленькая... Человек только-только поднялся с колен... Но постепенно шаг становится тверже, увереннее. Человек растет.

И вот ... Человек уже не идет, человек бежит, хотя и не может объяснить куда и зачем... Человек спешит, торопится... Спешит познать этот мир, торопится открыть его тайны...

Но вот шаг человека замедлился... Что-то случилось... Нет-нет, шаг по-прежнему тверд и уверен. Просто он стал более спокоен и нетороплив. Вот к следам человека добавились еще следы... Следы эти то отдаляются, то снова приближаются. Это следы женщины. И теперь они идут рядом с мужскими. Следы эти – мужские и женские, много лет идут рядом... Шаг твердый, уверенный, спокойный и неторопливый.

Проходят годы... Постепенно шаг слабеет. Сила уходит от человека, вместо нее приходит усталость. Следы уже не такие четкие и уверенные. Вот к следам прибавился новый отпечаток. Человек взял в руку палку-трость... Шаг все слабеет, следа почти не видно. Вот он пропал совсем. Но вместо него появляются новые следы. Некоторые шли рядом со следами человека, некоторые появились позже. Жизнь продолжается...

Вы обращали внимание – сколько следов на земле.

Здесь и воронки от разорвавшихся бомб и вспаханные поля, сожженные села и отстроенные города, выгоревшие леса и насаженные сады и парки...

Много разных следов на земле. Это следы мои... твои... его. Это наши следы. Следы, которые мы оставляем... И жить нужно так, чтобы не было стыдно перед идущими следом, за наши следы на Земле.

Огонь свечи

Часто, глядя как горит свеча, задумываюсь о том, что её огонь и то как она горит и сгорает очень сильно напоминают нашу жизнь.

Когда только зажгли свечу, капли горячего воска стекают вниз, почти не оставляя следа. Так и у нас почти нет воспоминаний о раннем детстве, только редкие картины, как-бы выхваченные памятью из жизни.

Но потом капли воска накапливаются, и наша память наполняется воспоминаниями. Но свеча горит и часть из них "сгорает", уступая место другим, более поздним, событиям. Такие "сгоревшие" воспоминания даются потом с трудом, как что-то знакомое, но далёкое.

К концу жизни воспоминаний - капель воска, становится так много и они так сильно наслаиваются друг на друга, что уже трудно разобрать, когда и где это происходило. А потом свеча гаснет, но остаются эти оплавленные и наслоенные капли воска – память, которая продолжает жить до тех пор, пока нас помнят.

Потом приходит ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО зажигать и гасить свечи.

Именно ОН убирает всё, что уже отгорело, и на этом месте зажигает новую свечу. ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, незримо ходит меж нас и гасит те свечи, которые сильно коптят или горят бесцельно, не освещая ничего вокруг. А бывает так, что ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, раздувает огонь уже почти угасшей свечи, и она разгорается ярким чистым светом.

Чаще всего свеча горит ровным спокойным огнём и сгорает до конца или почти до конца. Но бывает и так, что огонь свечи мечется, горит неровно, то угасая, то вспыхивая ярким светом. Такая свеча сгорает быстро и редко догорает до конца.

Часто, глядя как горят свечи, думаю – что нужно?

Просто гореть. Гореть, освещая путь идущим и помогая найти ищущим. Просто гореть. И как светло было бы жить всем. Но нет. Некоторым неймётся. И тогда ...

И тогда ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, поднимает ветер. И гаснут свечи, гаснут без времени... А ведь всего-то нужно – просто гореть.

Первая встреча

Они встретились впервые. Так получилось, что их никто не представил друг другу, и он решил, что она одна из многочисленных гостей этого огромного и весьма гостеприимного рода.

Но они были родственниками, не кровными, нет. Они были родственниками настолько, насколько чувствуют себя родными зятя и невестки, сводные братья и сестры.

Поначалу их беседа носила оттенок легкой иронии и неприятия. Так встречаются два старых закадычных друга, давно не видевших друг друга, и начинают разговор с взаимных колкостей и подколов, которые больше говорят о доверии и уважении друг к другу, нежели о неприязненных отношениях. Но они не были друзьями. Более того, они не знали друг друга еще полчаса назад, но, странным образом, они чувствовали ту грань дозволенности, которая говорит о взаимопонимании.

Они говорили каждый о своем – он о предках, которыми гордился, она о душевной красоте своих родных...

Не замечая, что все сидящие рядом замолкли, внимательно вслушиваясь в их беседу, они, казалось, говорили не друг с другом, а сами с собой. Зачастую не слыша слов собеседника, но вслушиваясь в интонации голоса и, так называемую, музыку языка, они прекрасно понимали друг друга.

Разговор переходил от одной темы к другой, но они не замечали этого. Они не заметили, как из разговора исчезли ирония и неприятие, но появились доверие и взаимоуважение. Они говорили обо всем сразу, открывая друг перед другом душу и доверяя то, чего, зачастую, не доверяют даже самым близким.

Он уже не видел, что перед ним яркая женщина, на которую он обратил внимание в первый же момент ее появления, и от которой не мог оторвать взгляд.

Она уже не видела перед собой немолодого, отмеченного сединой, мужчину, которого, как она заметила, покорила ее самобытная красота.

Рядом сидели два преданных, беспредельно доверяющих друг другу человека. Они были знакомы всего четыре часа, но, казалось, всю жизнь...

Расставаясь, каждый чувствовал в душе тепло своего нового, но такого старого, друга. Прощаясь, каждый уносил с собой частичку света, которым был освящен этот вечер, и,

которым должно поделиться со старыми и новыми друзьями.

Две чашки кофе

Они сидели так, словно всегда были тут. Двое за столиком в кафе. Она – приятная женщина, лет 35-38. Он немного старше, по виду – интеллигент.

Ветер доносил неясные обрывки слов. Но понять, о чем они говорят, можно было просто по выражению лиц, взглядам, мимике.

Они смотрели друг на друга так, словно увиделись впервые. Но в тоже время было видно, что они знакомы давно, многое знают друг о друге. Любопы, глядя на них, сказал бы, что они старые друзья.

Они всматривались друг в друга, как бы стараясь запомнить каждую черточку, каждый штрих. Запомнить и унести с собой.

Говорили они долго, но было видно, что беседа им не надоедает, что им приятно находится вместе и совсем не важно, о чем они говорят. Говорят, о простом, обыденном, или доверяют друг другу самые сокровенные тайны.

Важным было то, что они здесь и сейчас вместе, вдвоем. И весь остальной мир не существует. Сейчас во всей вселенной были только это кафе, этот столик и они. Двое во всей вселенной. Там, где время остановилось. И только биение сердца пульсом ее руки, которую он нежно держал в своей, отсчитывало мгновения их встречи.

Важным было то, что они встретились, а все остальное осталось там в другой жизни. Они еще не знали, что эта встреча станет для них началом новой жизни.

Жизни, которую они будут проживать, общаясь друг с другом. Жизни, которую они будут прятать от других и беречь, как самое ценное, как самое чистое. Жизни, которая станет частью их души.

Они ничего этого не знали, да и не хотели знать. Сейчас они были вдвоем. Он и Она...

Они сидели так, словно всегда были тут. Двое за столиком в кафе, на котором стояли две чашки кофе.

Спутник

Дорога. Поезд. Колеса стучат на стыках рельс. Мелькают столбы, поля, перелески, одинокие дома, затерявшиеся в степи. Бесцельно смотрю в окно. Поезд замедляет ход. Остановка. Выскакиваю из вагона. Бегу к лотку с газировкой. Свисток. Удар колокола. С бутылками в руках вскакиваю в вагон. И опять столбы и станции.

И вдруг... Мальчишка лет девяти. Ветер растрепал волосы, распахнул рубаху. А он босой, с широко раскрытыми глазами, машет рукой вслед уходящему поезду.

И снова однообразная серая картина. Столбы. Станции.

Проходят часы, дни. Но глаза, в которых я увидел мечту преследуют меня.

Поезд мчится вперед. Я тщетно гляжу в окно. И вдруг...

Он! Мой неутомимый спутник! Также распахнута ветром рубаха. По-прежнему растрепаны волосы, поднята рука. И глаза...

Широко раскрытые глаза, в которых живет мечта.

Утро в деревне

Вы когда-нибудь встречали утро в деревне? Проснёшься рано, выбежишь в степь и ждешь. Кругом тихо-тихо, ни души, только ты и степь. Насколько глаз хватает, кругом степь. Только вдали синеет лес и речка, голубой лентой вплетаясь в лес, исчезает за горизонтом. Предраассветные минуты полны тишины. Кажется, что даже сердце в груди замирает и вот-вот остановится.

И вдруг... "Кукареку-у-у!", – слышится из деревни. Край неба начинает алеть и из-за реки, как бы на этот зов, появляются первые лучи солнца. Оно растет и вот уже лес исчезает в ярко-алой дымке.

И опять: "Кукареку-у-у!", – это вторые петухи пробуждают деревню. А солнце раскаленным диском выплывает из реки и катится в небо. И вот уже жаворонок славит утро. А в деревне стучат калитки и раздается мычание коров, сгоняемых пастухом в стадо. Женщины несут воду из колодца. Колодезный журавль, приводимый в движение, тихонько поскрипывает, как бы благодаря за жизнь, подаренную ему человеческими руками...

А ты возвращаешься в деревню с ощущением чего-то большого и незабываемого, свидетелем которого ты только что был.

Любовь Женщины

Сегодня переворачивая исписанный лист и начиная новый, пытаюсь подвести итог прожитым годам. Что успел? Что сделал? Чего достиг?

Благополучный дом, хорошая семья, прекрасные дети. Стихи. Друзья. Работа. Всё, или почти всё, чего хотел.

Но почему мне всё время кажется, что это не самое главное и не так важно. Тогда что же?

Недавно я пережил очень сильный стресс от увиденного, после которого долго не мог оправиться. Я забросил стихи, т.к. не мог написать ни одной строчки. Я не мог уснуть по ночам, а если и засыпал, то снились мне кошмары. Я перестал ходить на работу, совсем не выходил из дому. Одним словом - заболел. Заболел так, что никакие лекарства не помогали. Я ходил по дому почти без еды и питья, ходил как человек потерявший рассудок, ходил лишь изредка впадая в забытье.

И вот однажды, находясь в такой полудрёме, я почувствовал, как тёплая, чуть шершавая, ладонь легла мне на лоб... И я уснул.

Уснул спокойно впервые за много дней.

С того самого дня я пошёл на поправку. Боль от увиденного и пережитого постепенно уходит. Я уже встречаюсь с друзьями, пробую писать.

Но знаете, я рад тому, что болел. Иначе я никогда не осознал бы полностью того, что имею. Любовь Женщины.

Не почувствовал бы всей силы и глубины этой любви – настоящей, искренней, полной. Любви женщины, которая принимает меня таким, какой я есть, а не таким каким хочу быть. Женщины, которая умеет не замечать и прощать мои ошибки и "преступления", которая со мной на равных тянет

"воз жизни", перенося все тяготы и невзгоды. Женщины, которая даёт мне силы, когда мои иссякли, и которая помогает мне подняться, когда сам подняться я уже не в силах...

Теперь я понимаю, и дом, и семья, и дети, и всё прочее теряется рядом с Любовью Женщины.

Всё это пусто, если оно не освящено Любовью Женщины.

Всего этого нет, если не Любви Женщины.

И я благодарен Б-гу за то, что у меня есть самое главное в жизни – Л Ю Б О В Ь Ж Е Н Щ И Н Ы.

Сказки

Сказка о Верности и Любви, или почему зажигают маяки

Давным-давно, когда ещё не было компьютеров и телевизоров, не было даже радио, жил-был король. Королевство его было небольшим и занимало несколько островов в океане. На самом большом острове жили король, королева и их дочь Оделия. Жили они в замке, окруженном садами и парками. На островах поменьше жили подданные короля – рыбаки и ремесленники, крестьяне и прочий люд. На самом маленьком острове стояла высокая башня. В ней во время войн жили солдаты, а в мирное время – преступники. Но король жил в мире со своими соседями и был добр с подданными, поэтому башня почти всегда пустовала. И только дети прятались в ней во время игр в морских разбойников. Чаще всего прятались в этой башне Оделия и Ноам, когда Ноам – капитан пиратов похищал красавицу принцессу.

В этих детских играх на берегу океана, под тихий говор волны, в башне с круговым окном на самом верху, родилась любовь дочери короля и сына рыбака. Именно в этой башне Ноам признался Оделии, что хочет стать капитаном, настоящим капитаном – командовать кораблём и повидать мир, других людей и другие земли. И добавил тихо, что хотел бы видеть в этих путешествиях Оделию рядом с собой.

Король смотрел на детские игры своей дочери с улыбкой. Но мере её взросления всё чаще задумывался о будущем Оделии, в котором не было места сыну рыбака. Но, уступая просьбам дочери, король отправил мальчика учиться, отдав его в юнги на военный фрегат, иногда пристававший к королевской пристани. В тайне он надеялся, что за время разлуки Оделия и Ноам забудут друг друга.

Шли годы. Оделия выросла и из неуклюжего подростка превратилась в красивую стройную девушку, к которой сватались сыновья местных богатеев и знати. Приезжа-

ли сваты даже с материка. Но принцесса отказывала всем, чем сильно расстроила короля.

От Ноама все эти годы известий не было, и никто не знал, что с ним произошло. Пока однажды не пришло письмо, что он возвращается. Возвращается капитаном того самого фрегата, на котором много лет назад он ушёл юнгой в своё первое плаванье.

Король, не желая встречи Ноама и Оделии, приказал тайно закрыть принцессу в башне и распусть слухи о замужестве дочери. С радушием встретив нового капитана, король порадовался успехам Ноама и, рассказывая о дочери, посетовал на девичье непостоянство.

Поздно вечером, покидая королевский дворец и уходя в открытое море, Ноам решил навсегда оставить королевство. Отплывая, он оглянулся в последний раз, желая навсегда запомнить родной дом, где родился и вырос, башню, где играл в детстве с Оделией и где однажды признался ей в любви. И тут он увидел мерцающий огонёк в окне на самом верху башни. Удивлённый и взволнованный он приказал спустить шлюпку и поплыл к башне...

Много лет прошло с тех пор, но до сих пор горят маяки, говоря морякам, что их ждут, и, указывая им дорогу домой.

Сказка про День и Ночь, Утреннюю Зарю и Вечерний Закат

Давно это было. Помню, прадед рассказывая об этом вспоминал что, дед его говорил, что было это в самом начале.

Жили на земле сильный, добрый, светлоокий юноша

День и луноликая, желтоглазая смуглянка Ночь. День и Ночь любили друг друга, проводя вместе все время. Но Торо – бог тьмы, тайно влюбленный в красавицу Ночь, хитростью уговорил богов разлучить влюбленных. И с той поры День и Ночь могли встречаться только утром и вечером, да и то ненадолго. Встречаясь с любимым и расставаясь с ним, красавица Ночь плакала от радости и огорчения. И слезы эти выпадали на землю чистой росой. Но не смотря на запрет богов, День и Ночь относились друг к другу с чистой и нежной любовью. И от этой любви родилось двое детей – смуглый кареглазый Вечерний Закат с сильными натруженными руками и светлоглазая розовощекая Утренняя Заря.

Закат и Заря проводили все свое время в совместных играх. Но злой и жестокий Торо, глядя на брата и сестру, задумал недоброе. По его настоянию боги разлучили Зарю и Закат, запретив им встречаться.

Больше Утренняя Заря и Вечерний Закат никогда не встречались. И только Рада, богиня света и мудрости, засыпая на закате и просыпаясь на заре, передавала им короткие весточки друг от друга. И еще...

До сих пор все влюбленные, отдавая дань любви Дня и Ночи, провожают уходящий Закат и встречают восходящую Зарю.

Сказка о красавице Луне, благородном Волке и коварном Пауке

Давно это было. В те времена, когда еще боги управляли всем на небе и на земле. Когда еще звезд на небе было

больше, чем людей на земле. Когда еще первые люди давали имена звездам.

В те времена звезды могли менять свой облик, превращаясь в людей, животных, птиц, рыб, насекомых – в кого угодно. Каждая звезда могла спуститься на землю и жить среди людей или зверей и потом опять вернуться на небо. И у каждой звезды был свой любимый образ – тот, который она принимала, спускаясь на землю. Поэтому, наверное, на небесах живут и Большой пес, и Лебедь, и Медведица с медвежонком, и Дракон, и многие другие птицы и звери.

В те далекие времена жила на небе звезда Селена. Звали ее так потому, что она любила превращаться в девушку стройную и нежную в золотистом, почти воздушном, платье. Селена обожала танцы и песни. Теплыми летними ночами водила она хороводы вместе с другими звездами. А долгими зимними вечерами слушала пение Волка, который был влюблен в нее. Часто, спускаясь на землю, бродили они вдвоем – девушка и волк. И, казалось, так будет всегда.

Но хорошее не длится вечно. Светлой и чистой любви Селены и Волка завидовал Паук, который был тайно влюблен в Селену. Днем Паук прятался в черной дыре, а по ночам плел интриги против Волка, стараясь разлучить его с Селеной. Паук нашептывал богам, что нельзя отпускать звезды на землю, потому что, возвращаясь, они приносят с собой дурные привычки, взятые у людей. И еще говорил он, что Волк хуже всех и, что он мечтает занять место среди богов. Конечно, не все боги верили Пауку, но нашлись и такие, которые недолго любили Волка за мужество и благородство.

Именно они в сговоре с Пауком распространяли слухи, что Волк сеет смуту, желая занять место главного бога. И решили тогда боги запретить звездам спускаться на землю и жить отныне постоянно на небе. И в самую короткую ночь в году закрыли они врата между небом и землей.

В ту ночь, когда Волк собирал в букет самые красивые цветы на земле. В ту ночь, когда он пел для любимой свою самую лучшую песню. В ту ночь, когда Селена, ожидая любимого, надела свою самое лучшее, самое красивое платье. И не знали они, что им больше никогда не суждено встретиться. Не знали, что самая лучшая песня Волка превратится в плач скорби и одиночества. Не знали, что в слезах будет таять красота Селены, и только раз в месяц она снова сможет красоваться во всей своей красе.

Но зло никогда не остается безнаказанным. Остался на земле и Паук, тайно следивший за Волком. А за коварство и интриги наказали боги Паука – днем прячется он в темных углах, а по ночам плетет свою паутину.

Много воды утекло с тех пор. Но до сих пор волк, глядя на луну, поет протяжную и вечную песню любви. И еще... В память о тех временах, поют влюбленные своим любимым лунные серенады.

Две реки *(новая сказка о любви)*

Высоко в горах есть родник, каких много на Кавказе. Но этот родник особенный – старики говорят, что вода из родника возвращает здоровье и человек, напившись из него, чувствует себя моложе и сильнее. И потому возле родника всегда много людей, и родник, радуясь, поет свою веселую песню.

От этого родника начинается путь небольшой ручеек. Как и родник, ручеек такой же веселый и быстрый. Напевая озорную песенку, он сбегает с горной кручи, становясь все больше и сильнее, соединяясь по пути с другими ручьями и

ручейками... И вот уже быстрая мощная горная река, воро-чающая огромные валуны несется с гор.

А в это время в широкой степи, раскинувшей свои просторы у подножия гор, живет другая река. Спокойная и не торопливая она не спеша несет свои воды. Вдоль берегов её, поросших дубовыми и сосновыми лесами, расположились большие села и маленькие поселки – всех кормит река. Не смотря на степенность и спокойствие, река обладает огромной силой – во время весеннего снеготаяния, она за-тапливает все вокруг.

И, не знаю по чьей-то доброй воле или по злому умыслу, встретились две реки – быстрая мощная горная река и спокойная никуда не спешащая степная река. Встре-тились и заспорили.

– «Почему ты меня задерживаешь, не видишь – я спешу», – рассыпала свой громкий рокот на камнях, принесенных с собой, горная река.

– «А куда спешить, я везде успею», – не громко отве-чала степная река, играя на перекатах.

– «Ух, я тебя...», – водопадом сбегая вниз, бурчала горная река.

– «Не спеши, глупыш...», – смеялась в ответ степная река.

Тысячи брызг, стоявшие над водой, светились яркой многоцветной радугой, как бы благословляя новый союз.

Но ничего не замечали вокруг себя реки. Спор то ути-хал, то возобновлялся с новой силой. Много дней прошло в ссоре. И забыли они о своем назначении, и остановили свой бег. И покрылась вода тиной, поднялся вокруг камыш, за-квакали жабы и лягушки, и запищали комары...

Услышали реки этот шум и застыли в страхе.

– «Что мы делаем, что с нами? – подумали они, – какая разница как нести свои воды – спешить или нет, главное – нести». И вместе потекли дальше...

С той поры несет по степи свои воды большая река, где-то спокойная и не торопливая, где-то быстрая и стремительная. Сильная и мощная она дает жизнь рекам и ручейкам, убегающим от неё и спешащим начать свою собственную жизнь.

Люди – птицы (*цыганская легенда*)

Было это очень давно. Так давно, что этого уже никто не помнит.

Люди тогда летали как птицы. Но постепенно они устали от постоянных перелетов, поэтому каждая стая выбирала для себя место на земле и останавливалась там. Люди строили дома, обзаводились хозяйством и вскоре забывали о том, что когда-то умели летать. Только тяга к перемене мест напоминает об этом.

В те далекие времена жила стая птиц. Это были особенные птицы. Они умели петь так, как никто. И песни эти были то веселые и озорные, то грустные и печальные. От этих песен хотелось и смеяться, и плакать. И еще эти птицы любили все яркое и блестящее.

Жила эта стая своей обособленной жизнью. Даже тогда, когда другие уже выбрали себе место на земле и стали забывать, что когда-то умели летать, эта стая продолжала перелетать с места на место, нигде не останавливаясь подолгу. Ничто не могло заставить гордых птиц выбрать себе место и жить, как другие. И завидовали "приземленные" такой любви к свободе, и шептались.

А самые злые придумали...

Однажды, когда остановились на ночлег, нашли они на месте стоянки много красивой одежды, украшений, и обрадовались находке. Мужчины облачились в ярко-алые рубахи и пояса, женщины надели разноцветные кофты и юбки. Кстати пришлось и украшения – ожерелья и цепочки, кольца и браслеты.

Но всего было так много и все было такое красивое, что птицы не могли остановиться и продолжали надевать на себя одежду и украшения. А потом всю ночь жгли костры, пели песни и танцевали.

Незаметно пришло утро. И тут случилось неожиданное - под тяжестью одежды и украшений птицы не могли взлететь. Много раз пытались они подняться в небо, но... И тогда пошли птицы по дороге...

Много лет прошло. Но до сих пор ходит по дорогам гордое племя, люди-птицы, облаченное в яркую одежду и старинные украшения. Ходит и в жару, и в холод, и в дождь, и в снег. А когда они останавливаются на отдых – жгут костры, танцуют и поют. И плывут над землей песни озорные и веселые, грустные и печальные. И хочется от этих песен смеяться и плакать.

Родник и колодец *(сказка)*

На окраине села бил небольшой родник. Кто-то из сельчан вырыл на этом месте колодец, огородив его бревенчатым срубом. Колодец был достаточно глубоким, и вода родника заполняла его почти до половины. Сельчане брали

здесь воду, которая всегда была чистой и прохладной. Путники, проходящие через село, могли выпить свежей воды и отдохнуть в тени росшего неподалеку раскидистого дерева. Все было бы хорошо, но...

Загордился колодец и стал смеяться над родничком. Мол, что ты такое без меня? Так, лужа лужей. Это я сохраняю воду чистой и прохладной, это ко мне приходят сельчане и прохожие. Родник слушал эти речи и молчал.

– «Говори, говори, – думал родник, – я ведь знаю, зачем приходят люди».

А колодец не успокаивался, принимая молчание родника за страх.

– «Посмотри, какой я глубокий, сколько воды могу хранить, а ты – такой маленький, что никто тебя и не видит».

Целыми днями бурчал колодец, оскорбляя и унижая родник. Родничок терпел долго, пока...

Устав от всего этого, родник ушел из колодца. Выбрав себе новую дорожку, родничок пробился с другой стороны от большого дерева, заполнив небольшую впадину между камнями. Колодец, увидев родник, стал насмехаться над ним.

– «И куда ты ушел? Плохо тебе было в моей тени? Посмотри на себя. На кого ты теперь похож?» – не умолкал колодец. Но родничок не обращал внимания на колодец. И, чтобы не слышать его слов, запел негромкую и веселую песню.

Люди нисколько не удивились, увидев новый, как они считали, родник. Ибо в округе таких родников было не мало. Кто-то из прохожих воткнул меж камнями, где бил родничок, кусок полого бамбука, превратив его в подобие небольшого фонтана. Другой положил рядом старую глиняную пиалу.

Некоторые продолжали брать воду из колодца, другие набирали её у родника. Постепенно вода в колодце иссякла, и люди стали обходить его стороной. Со временем сруб рассыпался, и колодец стал заполняться сухими листьями и ветками. Он уже не бурчал и только со злобой поглядывал в сторону родника. А родничок забыл о колодце, радуя прохожих чистой прохладной водой и напевая им свою веселую песню.

Сосна и Дуб (сказка)

Давным-давно росла в лесу сосна. Была она высокой и стройной и очень этим гордилась.

Недалеко от сосны рос дуб. Невысокий и кряжистый, он был постоянным объектом насмешек красавицы – сосны. Дуб терпеливо переносил насмешки и про себя потихоньку думал: „Смейся, смейся. Ещё не известно кто лучше и больше пользы принесет.“

Так думал дуб. А сосна любовалась собой и посмеивалась над неуклюжим дубом.

Шло время. Однажды весной прилетел дятел. Усевшись на сосну, он выдолбил дупло, в котором и поселился. Через некоторое время уже птенцы долбили сосну. А она ещё больше гордилась. А дуб стоял и молчал. Через несколько лет сосну уже нельзя было узнать – середина у неё сгнила, кору поели жучки короеды. Она уже не смеялась над дубом, а только молчала и вспоминала прошедшие дни.

Однажды пришли люди. Они долго осматривали дуб и сосну. Потом спилили дуб и увезли куда-то. А сосна осталась стоять в лесу.

Холодной зимой возле горячей печки, в которой весело потрескивали дубовые поленья, собирались дети. Они садились в кружок и просили бабушку рассказать им о сосне и дубе и том, как можно приносить пользу, сгорая в печке.

Три дороги (сказка)

Давным-давно, ещё от своего деда слышал я, что в старые времена жили два брата. В наследство от родителей им достались кинжал, у которого была разбита рукоять, и ружьё, у которого не было приклада. Не было в их старом развалившемся доме счастья. Долго мучились братья, пока...

Проходил однажды через это село странник. По доброте своей братья приняли его, поделили с ним свой скудный ужин и крышу над головой.

Наутро, прощаясь, странник сказал: "Слышал я от мудрых людей, что есть в жизни каждого человека своя дорога. Только найти эту дорогу не так просто". И ушёл...

Подумали братья и, заколотив дом, пошли искать по свету свою дорогу.

Выйдя из села они остановились – перед ними было три дороги. Какую выбрать, по какой пойти?

И тогда сказал один из братьев: "Выберу одну и пройду её до конца, какой бы трудной она не была". Второй же брат сомневался и никак не мог сделать выбор – если пойду по этой, а моя дорога та; пойду по той, а моя дорога эта...

Попрощались братья и разошлись, один пошёл вперёд, а другой остался на распутье.

Много лет прошло. Но помню, говорил дед, что тот, который ушёл, пришёл в большой город, начал работать, стал уважаемым человеком. В его доме всегда слышался смех и было веселье. А второй брат так и остался у трёх дорог.

Говорят, что можно было пройти уже все три дороги, а он только ноги стёр в кровь, переходя от одной дороги к другой.

Сказки гончарного круга

Вместо предисловия

Вечер. Небо усыпано звёздами. В маленькое оконце нашей сакли заглядывает луна. Мой старый дед, высоко подняв свою седую голову с невидящими глазами, тихо покручивает гончарный круг.

Много интересного рассказывают о нём в нашем селе. То он один ночью в лесу сражается с исполинами, побеждает их и спасает похищенную ими самую красивую девушку в нашем селе; то он бросается в стремительный поток горного ручья за упавшим ребенком; то поднимается на горную кручу, спасая выпавшего из гнезда орлёнка.

А ещё говорят, что юношей он исходил весь мир, поднимался на Крышу Мира, переходил пустыню смерчей – Маркан-су, бывал и в Китае, и в Индии. Оттого и игрушки, которые он делает, диковинные – то это снежный барс, подкрадывающийся к добыче, то слоны, поедающие молодые побеги деревьев, то возникающий из тумана оазис в пустыне.

Но более всего удивительны его сказки. В них переплетаются и возможное, и невозможное, и правда, и вымысел. И всегда добро побеждает зло, и становится от этих сказок светло и тепло, и очищается сердце от обид и оскорблений.

Много сказок рассказывал мне дед, и те, которые я запомнил, передаю вам.

Сказка о гончаре и его сыне

Совсем ещё юным, любил я слушать своего седого, как лунь деда. Рассказывал он, тихо покручивая гончарный круг и высоко подняв голову с постоянно закрытыми, ничего невидящими глазами. Руки его живые и сильные лепили в это время глиняные свистки и игрушки.

Рассказывал дед, что очень давно жил в нашем селе гончар. И славился этот гончар не только своими кувшинами и чашами, сосудами для воды и вина. Хотя не было в округе второго гончара, способного делать такую посуду – лёгкую и изящную, ласкающую взор своей простой и красотой.

Но уважали люди гончара ещё за добросердечие и справедливость, гостеприимство и милосердие.

И был бы счастлив гончар, но одна мысль не давала ему покоя – не было у него сына, которому он передал бы своё дело, не было наследника, которого он посвятил бы в тайны своего искусства.

Было это или не было, но, рассказывал дед, однажды поздним вечером, когда за окнами свистел ветер и лил

дождь, постучался к гончару старый дервиш¹ с просьбой согреться и обсушиться.

Хозяин впустил странника, предложил ему сухую одежду и ужин. И когда отдохнувший дервиш спросил гончара о печали, то рассказал ему о том, что не дал ему Б-г сына, который бы радовал его сердце.

И сказал дервиш: „Будет у тебя сын. И превзойдёт он тебя в мастерстве гончарном. Но зависть людская горе принесёт в твой счастливый дом...". И ушёл дервиш в тёмную ночь, в ветер и дождь.

Не прошло и года и родился у гончара мальчик. И радовался счастливый отец, глядя на сына. Очень подвижный и весёлый малыш проявлял завидные сметку и усердие, помогая отцу. Уже к шести годам мальчик сам изготавливал глиняные игрушки и незатейливую посуду. Но больше всего любил мальчик рисовать и были его рисунки забавными и смешными: вот невиданные разноцветные птицы летят над полем; вот медведь, разоривший муравейник, улепётывает от разозлённых насекомых.

Шло время. Мальчик кропотливо учился, перенимая у отца всё, что тот знал и умел. Уже к 15-ти годам из-под его рук выходили не только искусно сделанная посуда, но и причудливые дворцы с башнями, мечети² и минареты³.

Изменились и его рисунки – это уже целые истории из жизни животных и людей.

И радовался гончар сыну, превзошедшему отца в мастерстве. И радовались вместе с ним сельчане, глядя на работу и рисунки юного мастера, что преумножилась слава их села с этим мальчиком.

¹ *дервиш* – странник; человек путешествующий пешком (вост.)

² *мечеть* – церковь; молельный дом (ислам.)

³ *минарет* – башня, с которой объявляют начало молитвы (ислам.)

Но всегда найдутся злобные люди, завидующие чужому счастью. Нашлись такие завистники и у гончара. И если раньше они только тайно завидовали его славе, то теперь... Злоба и зависть людская ослепили юношу. И горе пришло в некогда счастливый дом гончара. И чёрной ночью стал светлый день, и белыми стали чёрные волосы отца. И умолкла в их доме весёлая песня гончарного круга...

Осень сменила лето. И снова ветер свистел в печной трубе, и дождь стучал по крыше. И снова, как некогда постучался к гончару старый дервиш. Обогрел и накормил его хозяин. И поведал ему своё горе. Выслушав, дервиш сказал:

"Отпусти сына, пусть походит со мной по свету, узнает, как и чем живут отдельные люди и целые народы. Пусть найдёт свой удел".

Но не согласился гончар, не хотел лишаться на старости лет последней утехи. И стал просить юноша отца отпустить его, и разрешить ему пойти со старым дервишем. И так горячо просил он, что отпустил его старый гончар, благословив их дорогу.

И говорил дед, что больше никто никогда не видел сына гончара. Но, проходившие через их село странники, рассказывали, что где-то ходит по свету слепой юноша и там, где он останавливается появляются новые сказки о диковинных дворцах с башнями, мечетями и минаретами, о причудливых животных и птицах, о людях добрых и злых. И расходятся эти сказки по всему свету.

И не одну из них рассказывал мне мой седоволосый слепой дед. Но более всего запомнилась мне сказка о гончаре и его сыне.

Волшебная нить

Помнишь, ты рассказывал о том, что очень скучал по нашей сакле, по аулу, по своим друзьям, когда на несколько дней ездил с отцом в город. А знаешь ли ты, почему скучал, что тебя тянуло домой в горы? Слушай – так начал свою новую сказку мой дед, усаживаясь за гончарный круг и разминая руками неподатливый ком глины.

– Очень давно высоко в горах в старой покосившейся от времени сакле жила вдова. Муж её погиб в горах во время обвала, оставив после себя малолетнего мальчика. Женщина, бережно сохраняя память о муже, сама воспитывала сына, работая для этого от зари до зари. Утром сельчане видели её копающейся на клочке земли рядом с саклей, днём она убирала дом местного богача, вечером собирала хворост и кизяк для растопки, ночью же, когда весь аул засыпал, она стирала бельё, зарабатывая этим гроши. Никто в ауле никогда не слышал от бедной вдовы жалоб на усталость и болезни. Напротив, старая сакля, казалось, освещалась не керосиновой лампой, а её улыбкой и приветливыми лучистыми глазами. Любой прохожий мог найти в её доме, земляной пол которого был застелен латанными, но чистыми циновками, радушный приём, кусок свежего лаваша и пиалу горячего кипятка, настоящего на травах.

Под стать матери был и её шестилетний сын. Трудолюбивый мальчуган, по мере сил помогавший матери, старался поддерживать их скудное хозяйство в надлежащем состоянии. Это его старанием был обновлён забор вокруг сакли.

Целыми днями слышались песни и смех малыша, выполнявшего всю работу по дому. И радовались сельчане, глядя на вдову и её сына. И удивлялись. Удивлялись терпению и трудолюбию женщины, которые она в полной мере передала сыну. Удивлялись радушию матери, готовой

прийти на помощь каждому, хотя сама едва сводила концы с концами. Удивлялись веселью и жизнерадостности мальчика, обращавшего в шутку всякие невзгоды и смеявшегося там, где его сверстники и даже ребята постарше хмурились и прятали слёзы. Но более всего удивлялись соседи связи, существовавшей между матерью и сыном. Ибо удивительна и непонятна связь, в силу которой, во всякий момент, когда одному из них становилось невмоготу, сразу же появлялся другой, поддерживая оступившегося и уставшего.

Именно так было, когда малыша, поправлявшего саманный курятник, завалило стеной. Мать появилась неожиданно, придя как по наитию, хотя никто из соседей не слышал ни шума завалившейся стены, ни криков мальчика. Именно так было, когда малыш, взявшийся неизвестно откуда, помог матери, набиравшей воду у реки и оступившейся на пологом склоне.

На любопытные вопросы об этом, женщина отвечала, что они связаны с ним нитью, и улыбалась, глядя на малыша.

Было ли это правдой и существовала такая нить или нет, но связь между матерью и сыном была бесспорной и очевидной.

Шли годы. Мальчику исполнилось двенадцать лет, возраст, когда ребят определяют на учёбу. Не по годам сильный и рослый, сын вдовы хотел стать кузнецом. Но для этого нужно было пойти в соседний аул за перевалом, так как своей кузницы в селе не было.

Мать проводила сына до околицы, поцеловала его и, грустно улыбаясь, напомнила: "Не забывай, сынок, о нити. Правда сейчас она становится тоньше и длиннее, но ты всё же помни".

– Не волнуйся, мама, никогда не забуду, – сын, улыбаясь, приветливо махнул матери рукой и широко зашагал по дороге.

Как горный поток несётся время. И для матери, ждущей возвращения сына, женщины трудолюбивой, оно мчится ещё быстрее. Но удивлялись соседи, замечая, что вдова, вдруг улыбнётся и тихим голосом молвит: "Не волнуйся, сынок, я здорова". И озирались по сторонам – с кем это она.

Но однажды утром вдова не вышла покормить кур и сельчане, обеспокоенные этим, застали её в постели. Женщина застудилась, полоща накануне бельё в реке. Сердобольная соседка, вскипятив чайник и напоив больную чаем, спросила: "Может послать за сыном?". И услышав:

"Нет, он сам придёт,- ушла к себе, зная об удивительной связи матери с сыном. Когда к обеду она пришла навестить больную, то была сильно удивлена, застав повзрослевшего и возмужавшего сына вдовы, хотя никто в селе не видел, когда он пришёл.

Через несколько дней женщина, окруженная заботой сына, поправилась. Но юноша уже никуда не уходил. Он остался в родном ауле работать кузнецом. И говорят хорошим был мастером.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Я с нетерпением ждал.

– Знаешь. Говорят, что они подарили людям ту волшебную нить. Нить, которая связывает нас с близкими, с домом, с тем местом, где мы родились и где похоронены наши предки. Волшебную нить, которая никогда не рвётся, как бы тонка она не была.

В тот вечер, засыпая, я видел старую саклю, женщину у калитки, уходящую вдаль дорогу, на которой стоял, приветливо поднявший руку, юноша.

Наверное, тогда я в первый раз понял, почему Родину называют матерью и почему мы всегда возвращаемся, когда бы и куда бы мы не уходили.

Сказка о прекрасном юноше и полетах во сне и наяву

"Было это очень давно. Ещё дед моего прадеда рассказывал, что высоко в горах был аул. Сакли аула прижались к отвесной скале и, казалось, приросли к ней, а кривые узкие окна смотрели в воду быстрой горной реки, бегущей по дну глубокого ущелья..." – так начал мой старый дед свой рассказ.

Высоко подняв свою седую голову, устремив куда-то вдаль взгляд ничего невидящих глаз и разминая сильными руками ком глины, сидит он перед гончарным кругом и лепит свою новую сказку.

– Жил в этом ауле юноша. Высокий и сильный он выглядел старше своих ровесников. Удивительно красив был этот юноша. Его умные одухотворённые глаза горели каким-то непонятым блеском. Его лицо, всегда спокойное и безмятежное, казалось, было высечено из благородного горного мрамора.

Но ещё удивительней были рассказы юноши. Его истории о диковинных дворцах с башнями, о чёрных людях, о жизни зверей и птиц, о разных неизвестных землях аульские мальчишки слушали затаив дыхание и, воодушевлённый таким вниманием он рассказывал ещё и ещё...

Но на вопрос, откуда он знает это, юноша почему-то отвечал, что видел всё сам и обиженный недоверием, уходил в горы.

Однажды дети, сговорившись между собой, стали попытаться как юноша мог всё это видеть если он никогда не уходил из аула. И тогда юноша сказал, что умеет летать. Услышав это, дети стали громко смеяться, а женщины перешёптываться – мол у мальчика не всё в порядке с головой.

С той поры юноша редко выходил из дому, видимо боясь насмешек сверстников и косых жалеющих взглядов

взрослых. Лишь изредка по ночам кто-нибудь из жителей аула видел юношу, стоящим на краю пропасти с широко распростёртыми руками.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске расположился аул, прижавшийся к горам, глубокая пропасть и юноша, стоящий на краю пропасти с широко раскрытыми руками.

...Пересуды в селе приобретали всё большую силу. Кто-то говорил, что юноша вовсе потерял рассудок и готов броситься в пропасть; другие – что он своими фантазиями портит детей. Самые злые утверждали: "Он оборотень, надо изгнать его из аула." Так продолжалось долго и однажды...

Юноша возвращался домой с речной водой, когда группа детей, издали завидев его, стала смеяться над ним, называя обманщиком и фантазёром. Неизвестно кем брошенный камень, попал юноше в лицо и рассёк до крови бровь. На шум детей собрались взрослые и с бранью накинулись на юношу. Никто не слышал, да и не хотел слышать, слов юноши что он ни в чём не виноват. Всем хотелось только одного – изгнать несчастного, изгнать оборотня.

И тогда юноша подошёл к краю пропасти, широко раскрыл руки и... взлетел.

Толпа негодующих застыла в оцепенении, видя, как юноша парит в небе. А он летал над домом, в котором родился и жил, над аулом, из которого его изгнали глупые люди, над родными горами и пропастью. Потом поднялся высоко в небо, приветливо махнул рукой и исчез. Только алые цветы, появившиеся там куда упали капли его крови, напоминали людям о нём. И ещё...

С той поры каждый мальчишка, хотя бы однажды, летает во сне, летает как птица, широко раскрыв руки – крылья, летает над горами и равнинами, над морями и реками, над городами и сёлами.

Помню, что я долго сидел, прижавшись к деду. Помню также, что и я летал по ночам, летал над горами и лесами, над старой крепостью, стоящей одиноко на скале где-то посреди моря. И ещё помню, что на мои рассказы об этом, дед загадочно улыбался и говорил: " Это ты растёшь, сынок."

Свеча и мотылек

– "Ты знаешь почему мотылёк летит на огонь? А почему со свечи, когда она горит, воск стекает каплями?" – спросил меня дед, раскручивая старый гончарный круг.

Я поспешил поудобнее устроиться возле своего деда и приготовился слушать новую сказку.

"Давным-давно жила свеча. Стояла она на узорном, ручной работы, столике в красивом серебряном подсвечнике. Спокойным ровным светом она освещала небольшое пространство вокруг себя. По вечерам собиралась возле неё вся семья; дети затевали нешумные игры, отец что-то мастерил, а мать садилась со штопкой или рукоделием.

Так было и, казалось, так будет. Но однажды залетел в открытое окно мотылёк. Летал вокруг свечи и смеялся.

"Что ты смеёшься?" – спросила свеча.

"Потому и смеюсь, что ты слепа и не видишь ничего".

"Да, но я даю свет".

"Свет? Да разве это свет? Ты сама ничего не видишь в этом свете. Ты даже не знаешь, что в комнате есть ещё большой деревянный стол со стульями, стеклянный шкаф с красивой посудой и массивный резной комод для белья.

А ты говоришь – свет", – мотылёк снова засмеялся.

"А что, бывает свет, который может осветить всё сразу?" – удивлённо спросила свеча. И добавила – "Как будто ты сам можешь дать такой свет".

Мотылёк застыл в воздухе. И вдруг...

Яркая вспышка света, осветившая и стол, и шкаф, и комод в дальнем углу комнаты, ослепила всех. Неожиданно наступила темнота.

После небольшой заминки удалось зажечь светильник. И все увидели... Мотылька нигде не было, свеча погасла. И только на самом краю подсвечника застыла капелька воска.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске застыли стол, шкаф, комод, расположенные в большой комнате, небольшой узорный столик с подсвечником, на котором застыла слезинка воска.

Много лет прошло с тех пор. Никто не знает, что лучше – короткая яркая вспышка или пусть тусклый, но ровный свет. Или может...

Но до сих пор свеча плачет и свет её дрожит от слёз, а мотылёк летит на огонь и сгорает в нём, вспыхивая ярким светом.

Волшебное озеро

Тихо поскрипывает гончарный круг. Снова сажу возле своего деда, затаив дыхание.

"Ты, наверное, знаешь речку за околицей села", – так начал дед свою новую сказку.

– "А знаешь ли ты, что начало своё эта речка берет из небольшого озера, которое питает родник? А слышал ли ты, что рассказывают об этом озере?"

Так слушай.

В старые стародавние времена высоко в горах в небольшом селе жили люди. Жили как везде живут: мужчины охотились, а женщины растили детей и занимались домашним хозяйством. Казалось бы, ничего особенного, но говорят... На краю села было небольшое озеро. Вода в нём всегда была такая прозрачная, что было видно, как на дне озера бьёт родник. Обыкновенное озеро, каких много в горах. Но старики говорили, что если искупаться в нём в самую короткую ночь в году, то к человеку возвращаются молодость и красота.

Шли годы и как утренняя звезда засияла своей красотой юная Рахель.

Весёлая хохотунья любила музыку и танцы, шутки и веселье. На всё село был слышен её смех, подобный говору сбегающей с гор реки.

Целыми днями она танцевала с подругами на лугу за селом.

И стали заглядываться на девушку молодые охотники.

Но только отважному Шуму, одному из лучших охотников, отдала своё предпочтение прекрасная Рахель. Часто их видели вдвоём на берегу озера. И... Весёлая была свадьба. Всё село танцевало на этой свадьбе. Но больше всех радовалась и веселилась невеста.

Неумолимо движется время. Нет такой силы, которая могла бы остановить его. Родился у Шума и Рахель сын. И всё реже стала появляться на лугу Рахель, и всё чаще на призывные крики подруг отвечала отказом.

И скучала она без песен и танцев. Но сын был её отрадой. И глядя на подрастающего малыша радовалась она своему счастью.

Но не напрасно говорят в народе, что счастье с несчастьем рядом идут. И в доселе счастливый дом красавицы Рахель пришла беда.

В тот день, когда свои первые шаги сделал сын, в тот же день не вернулся с охоты Шум. Только через три дня нашли его сельчане высоко в горах рядом с убитым им барсом.

Много слёз пролила по мужу Рахель, и в слезах ушла её красота. И поседели от горя волосы. И ничто уже не радовало её сердца. И даже сын не приносил утешения. Только песни и танцы по – прежнему тянули её к себе.

Но стеснялась она седых волос и морщин, которые почему-то доставляли радость её сыну, любимшему мать.

Всё чаще и чаще вспоминала Рахель предание об озере за селом. Всё чаще и чаще спрашивала у сына – хотел бы он чтобы мама снова стала красивой. А мальчик, не понимая, с радостью отвечал, что его мама самая лучшая на свете...

И пришла ночь, самая короткая ночь в году. Осторожно, стараясь не разбудить сына, вышла Рахель из сакли и побежала к озеру. На берегу она остановилась, подумав со страхом, что совершает, наверное, непоправимое. Но голоса подруг, кружащихся в танце на лугу, прогнали её страх. И...

Снова радовалась и веселилась Рахель, ставшая такой же прекрасной как прежде. И радовались вместе с ней подруги и танцевали.

Утром счастливая Рахель вернулась к сыну. Но тот не узнал матери.

– "Это же я – твоя мама, ты видишь я снова стала красивой, как ты хотел", – убеждала она сына.

Но тот не понимал, всё время повторяя, что его мама и так была самая лучшая, что у неё были красивые белые волосы и, что ему всегда нравились мамины морщинки у глаз.

– "Ты не моя мама, моя мама самая красивая", – проливая слёзы повторял мальчик.

И оставила его Рахель, видя тщетность своих слов. Ушла к подругам на луг. Позабыв о сыне, повязавшись козынкой, целый день танцевала она на лугу. А сын ходил заплаканный по селу в поисках своей самой лучшей и самой красивой мамы. И молчали сельчане, не отвечая мальчику, пряча глаза и покачивая головой.

И пришёл он на луг. Но нигде не было его мамы. Голодный и уставший опустился мальчик на землю и уснул, положив голову на камень.

Увидела Рахель спящего сына заплаканного и грязного.

И дрогнуло её сердце, и...

Бросилась она к озеру, говоря, – "Зачем мне молодость и красота, если ты отняло у меня сына. Верни мне моего сына"...

И унесла вода девичью косынку некогда прекрасной-Рахель. И радовался сын, целуя мать и играя её белыми волосами. И радовались сельчане.

Но говорят старики, что озеро потеряло свою волшебную силу, хотя всякий искупавшийся в нём навсегда забывает о своих болезнях и чувствует себя сильнее и моложе.

Дороги судьбы

Слушая поскрипывание гончарного круга, сижу я возле своего старого деда. Рассказывая, он тихо покручивает круг, на котором из-под его сильных рук появляются то великолепные дворцы, то убогие сакли, невиданные

звери и птицы, цветы и деревья. Вслушиваясь в негромкий голос деда, в который вплетается поскрипывание гончарного круга и, вглядываясь в возникающие на доске знакомые, а чаще незнакомые картины, переносишься в другой мир.

Мир сказок седоволосого старца с устремлённым вдаль ничего невидящим взглядом.

– "Говорят, что очень давно, жил в нашем селе человек. Был он честным и добрым, справедливым и милосердным, и в награду за это, дал ему Б-г прекрасного сына. Этого юношу с чистыми и умными глазами, почитавшего старших и помогавшего младшим, любили в селе. Никто никогда не слышал от него ни бранного слова, ни крика, ни ругани.

Только улыбка освещала лицо юноши.

Шли годы. Человек умер, оставив сыну старый, но крепкий дом и пожелание быть всегда добрым и снисходительным к людям и строгим к самому себе, приходить на помощь каждому просящему и нуждающемуся.

Похоронив отца, юноша остался в селе, выполняя отцовский завет. Но сомнения одолевали его – правильно ли он поступил, оставшись в селе, может быть ему стоило уйти и найти свою дорогу в жизни. Всё чаще думал он об этом и однажды... Приведя в порядок дом, оставив не запёртой дверь – вдруг пригодится какому путнику, оставшемуся без ночлега, юноша ранним утром покинул село.

Много дней шёл юноша, останавливаясь только на короткий отдых и ночлег, и пришёл однажды на распустье.

Четыре дороги расходились в разные стороны. И ничего удивительного не было бы в этом, если бы...

Странные указатели были у дорог. У одной дороги было – Богатство, у другой – Слава, у третьей – Счастье. У четвёртой дороги не было никакого указателя.

Сел юноша на камень на распустье и задумался".

Дед замолчал. Перед ним на гончарной доске появились четыре дороги со странными указателями и юноша, который задумавшись сидел на камне у этих дорог.

– "О чём думаешь, сынок?", – старый дервиш стоял возле юноши. Усадив странника, поделившись с ним куском высохшего чурека и ключевой водой, юноша спросил, что означают эти странные указатели и почему нет указателя у четвёртой дороги.

– "Ничего странного, сынок. Люди называют эти дороги дорогами судьбы. Тот, кто пойдет по первой дороге, будет одним из богатейших людей; тот, кто пойдет по второй – прославится на многие годы; кто пойдет по третьей – найдёт своё счастье.

"А четвёртая?", – нетерпеливо спросил юноша.

"Четвёртая?.., – дервиш задумался.

"Четвёртая дорога – это дорога в неизведанное, дорога в никуда. По этой, самой трудной из дорог, идут очень немногие. Только тот, кто хочет найти самого себя, кто хочет понять смысл жизни, тот идёт по этой дороге".

Попрощавшись, дервиш ушёл. Не долго оставался юноша на распутье. Подумав, он решительно зашагал по дороге у которой не было указателя.

Говорят, что в селе юноша больше не появлялся. Но прохожие люди говорят, что ходит где-то по дорогам старый дервиш с чистыми и умными глазами. И рассказывает дервиш людям о том, что все мы ходим по дорогам жизни и что каждый когда-нибудь приходит на перекрёсток четырёх дорог, на перекрёсток судеб. И каждый, хотя бы однажды, делает свой выбор.

Прошло много лет. Давно уже нет моего деда. Но в дни трудных и важных решений, я вспоминаю старую сказку и ясно вижу перед собой юношу, который задумавшись сидит на распутье у четырех дорог.

Сказка о простом и вечном

Усаживаясь рядом с дедом, я слушаю, как поскрипывает старый гончарный круг, и смотрю как живые и сильные руки моего деда разминают неподатливый кусок глины. Затаив дыхание, я вижу, как на доске появляется редкой красоты замок с высокими, узорными окнами и воротами. Рядом с замком вырастает большой парк с невиданными зверями и птицами. Высоко подняв седую голову и глядя куда-то вдаль своими невидящими глазами, начал дед новую сказку.

– "Слышал я, что жил когда-то человек и было у него три сына. Трудолюбию и доброте, милосердию и уважению к людям учил человек своих сыновей. И внимали отцу дети и росли, помогая ему во всём. Но короток человеческий век... Отдав отцу последний сыновий долг, задумались братья, как жить дальше, чем заняться.

Однажды услышали они, от идущего через их село дервиша, что каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Только тогда, – добавлял дервиш, – он может считать свою жизнь ненапрасной.

И решил тогда старший брат – построю дом, какого ещё не было на свете, пусть будет он такой красоты, чтобы любовались им люди сотни лет.

Средний брат сказал: – «А я посажу парк, и пусть будут в нём птицы и звери, и пусть люди приходят отдыхать в этот парк многие годы».

А младший брат решил – воспитаю сына, чтобы было мне кем гордиться в зрелые годы и на кого опереться в старости.

Стремительно несёт свои воды река по имени Жизнь.

И вырос в селе удивительный дом. Комнаты дома были просторными и светлыми, потолки украшала узорная лепка, картинами из жизни людей были расписаны стены.

Сельчане любовались красотой дома и удивлялись таланту мастера. Рядом с домом раскинулся такой же удивительный парк

Невиданные доселе деревья, на ветвях которых распевали свои песни птицы, украшали парк. Белки свободно перепрыгивали с ветки на ветку, а пугливые зайцы перебежали тропинки, по которым гуляли люди. Часто приходили сельчане отдохнуть в тени парка и полюбоваться красотой дома. Но чаще других приходил сюда юноша, с такими же живыми и смышлёнными глазами, как у младшего из братьев. Именно ему передавал отец то, чему когда-то научился у своего отца; именно его учил младший из братьев любви к людям, готовности при первой же просьбе, а чаще и без просьбы, помочь страждущему и нуждающемуся".

Дед надолго замолчал. Я, прижавшись к нему, ждал. Дед вздохнул.

– "Шли годы. Люди, обременённые заботами, всё реже приходили в парк, и только шум и возгласы играющих детей были изредка слышны возле дома.

Со временем дом перестал казаться таким красивым, как прежде – картины на стенах поблекли, с потолков свисала паутина, узорная лепка потрескалась и осыпалась.

Да и парк казался опустевшим и запущенным – дорожки, некогда посыпанные песком, заросли, не было слышно птиц и зверей.

Неумолимо движется время. И вот уже непроходимый лес полностью скрыл от людских глаз полуразвалившийся, некогда прекрасный, дом.

И новые поколения забыли имена двух старших братьев.

И давно уже умер младший брат.

Но, говорят, живет в селе старик с живыми и умными глазами, который рассказывает внукам о братьях, когда-то живших в селе и о людях простых и хороших.

И ещё... Каждую весну у надгробного камня, на котором высечены три имени, расцветают алые маки, напоминая людям о смысле жизни, о простом и вечном.

Дороги, которые мы выбираем (размышления на тему...)

Снова крутится старый гончарный круг. Мой седоволосый дед, устремив вдаль взгляд своих невидящих глаз, разминает сильными руками ком неподатливой глины. Я усаживаюсь рядом и терпеливо жду.

И вот на гончарной доске начинается новая сказка.

— "Давным-давно высоко в горах жил юноша. Целыми днями работал он на скудном клочке земли, доставшимся ему от отца, а по вечерам, по мере сил, старался сохранить в старой сакле тепло и уют, оставленные ему матерью.

Однажды, поздно вечером, заглянул в саклю дервиш и попросил приюта. Юноша с радостью разделил ужин с гостем. Предложив ему после еды крепкого чаю, он внимательно слушал рассказы странника о других людях, их жизни и обычаях, об удивительных событиях, очевидцем которых был старый дервиш.

Всю ночь проговорили они, а под-утро юноша спросил странника, почему он покинул свой дом и чего ищет.

Помедлив, дервиш сказал, что ещё совсем юным стал задумываться для чего мы приходим в этот мир, и что должны оставить в нём после себя. И именно поэтому он покинул свой дом и странствует по свету, встречается с

людьми молодыми и старыми и ищет многие годы, ищет в жизни свою дорогу".

Дед замолчал. На гончарной доске вырос лес и потекла река. Между ними змеилась дорога, по которой шагал человек.

– "Знаешь, через много лет я понял – все дороги начинаются у отчего порога. И ещё... Напрасно говорят, что у каждого своя дорога.

Нет. Все мы ходим по одной дороге, по дороге с названием Жизнь. Но каждый из нас оставляет на этой дороге свои следы. И следы эти зависят от того, как мы относимся к людям, с которыми встречаемся – делимся с ними теплом души или проходим мимо, спрятав взгляд; протягиваем руку помощи тем, кто устал и ослаб, или сталкиваем их со своего пути"...

Давно заросла тропа, по которой ушёл старый дервиш. И много лет нет моего деда. Но часто я вспоминаю широкую улицу, сильные руки отца, который идёт рядом и что-то рассказывает о людях плохих и хороших.

Потом настал день, и я шёл рядом с сыном и говорил ему о смысле жизни, о добре и зле.

Знаю, придёт день, и мой внук будет идти рядом со своим отцом и слушать его рассказы о любви и дружбе, и о дорогах, которые мы выбираем.

Рассказы
Повесть

Мальчик с большим сердцем

В одном из городов, каких много жил мальчик лет 13. Обычный мальчик, такой каких тысячи в каждом городе. И было у мальчика "большое сердце". Сердце, которое болело "чужой" болью; сердце, которое грустило, когда кому-то было плохо и радовалось, когда другим хорошо. И спешил мальчик помочь тем, кому нужна помощь. Спешил, когда звали на помощь, но чаще, когда не могли позвать.

По-разному относились к мальчику жители города: некоторые смеялись и злорадствовали – "подумаешь, ангел на земле, хочет быть лучше других"; другие жалели – "мол, у мальчика не всё в порядке с головой"; третьи – "ему что больше всех надо, какое ему дело до других?", и смотрели на него кто с усмешкой, кто с жалостью.

Имени мальчика почти никто не знал, и называли его просто "мальчик с большим сердцем". Постепенно люди привыкли к мальчику, к тому, что он всегда рядом, когда нужен, и не удивлялись, только улыбались кто с насмешкой, кто со злобой, кто с жалостью.

Шло время. Мальчик вырос и изменился. Это был уже мужчина 40-а лет, крепкий и сильный. Только глаза, ясные и чистые, выдавали в нём прежнего мальчика. И сердце, которое плакало, когда он не мог помочь кому-то, и радовалось, если это удавалось. И ему было совсем неважно, что он будет есть сегодня и где будет спать. Его часто видели спящим в парке на траве или в каком-нибудь дворе на скамейке. Нет-нет, вы не думайте, у него были и дом, и жена. Но она выгнала его, устав от того, что он последнее отдаёт, думая и заботясь о других и напрочь забывая о себе. Вначале она просила и уговаривала, но потом ...

Так было и, казалось, так будет. Но однажды ...

Он упал неожиданно, как споткнувшись. Сердце его сжалось и стало маленьким-маленьким, и как будто сошло

с ума – оно билось то очень быстро, то останавливалось почти совсем. И впервые в его глазах отразилась его собственная боль; боль, которая всё нарастала, наполняя его сердце.

Он не мог сказать ни слова и лежал без движения, закрыв глаза.

А вокруг шумела толпа. "Ну что, допомагался?," – злорадовались одни.

"Хотел быть лучше всех.", – хихикали другие. "Ну что неймётся, ведь никто не просит.", – жалели третьи. Но почему-то никто не подумал, что сейчас впервые ему нужна их помощь, помощь тех, кому он помогал столько лет, не ожидая благодарности.

Очнулся он тишины, окружавшей его. Вслушавшись, он услышал странные звуки. С трудом открыв глаза, он увидел – толпа разошлась, а возле него стоит мальчик лет 13, обыкновенный мальчик, каких много. В глазах мальчика застыли боль и слёзы...

И, закрывая глаза в последний раз, он подумал:
– "У этого мальчика большое сердце".

Первый шаг

Отец всегда бил мать. Сколько помнил себя Шамиль так было.

Мужчины в их селении не жалели сил, вколачивая в женщин свою любовь, каждый старался при этом оставить как можно больше следов на лице и руках жены, с тем, чтобы женщина могла похвастать перед соседками – вот,

мол, как сильно муж любит. Все мальчишки в селении с детства знали, что, когда вырастут, также будут бить своих жён.

Но Шамиль не мог понять, для чего бить показывая свои чувства. Ведь, когда отец ласково гладит его по голове, или треплет за чуб понятно, как сильно он любит сына. Шамиль не мог понять почему мать молчаливо терпит побои мужа. Он несколько раз спрашивал своего старшего брата Али об этом. Но тот с высоты своих десяти лет неизменно отвечал: "Так надо, так должно быть, так было всегда".

Шло время. Шамиль подросток и пошёл в школу. Выказав незаурядные способности в учёбе, он очень быстро научился читать и с удовольствием читал всё подряд. Но, странное дело, ни в одной книжке не говорилось, что когда любят – бьют, а совсем даже наоборот – мужчины придумывали для своих женщин разные красивые слова, дарили подарки. Шамиль как-то сказал об этом отцу, но тут же получил затрещину: "Кто я такой, чтобы менять обычаи предков." И Шамиль смирился, стараясь принять происходящее в семье как данность.

А отец свирепствовал всё больше и больше, придираясь к матери по пустякам и стараясь бить не по лицу, как раньше, а по пояснице, в грудь, в живот. "Любил" он на глазах сыновей, приговаривая при этом: "Учитесь, чем сильней бьёшь, тем сильней любить будет." Али улыбался и кивал в такт ударам отца, а Шамиль смотрел каким-то, непонятым для отца, посторонним взглядом крепко сжав губы. И этот взгляд раздражал отца ещё больше и удары сыпались всё чаще. Как-то, помогая матери перетянуть свёрнутой простыней грудь - было сломано ребро, Шамиль спросил почему она терпит, ведь она может просто уйти. На что мать, грустно улыбнувшись, сказала: – "Это только в твоих книжках всё красиво, а в жизни..." Она рассказала, что уже ухо-

дила однажды, но старая увечная Наина, её мать, бабка Шамиля, заподозрив неладное прогнала её со двора, где сидела недвижно целыми днями. А идти было больше некуда, вот она и вернулась. Мать ещё раз грустно улыбнулась и вдруг попросила,

– "Сынок, ты будь с отцом помягче, не смотри на него так. Ради меня, сынок, а то нет никаких сил терпеть",- и беззвучные слёзы покатались по её щекам. Шамиль прижался к матери: – "Ладно, мам."

Шамиль старался изо всех сил, он как Али улыбался и кивал головой, и, даже, хлопал в ладоши. Но, видимо, получалось у него плохо, потому что отец только ухмылялся и бил. Что происходило в его душе Шамиль не мог понять, он знал только, что это неправильно, не справедливо, не должно так быть.

Но так было. Пока...

Али не было дома, он играл на улице со сверстниками. Шамиль, как всегда, сидел на тахте с книжкой, когда вернулся отец слегка навеселе. Прямо от двери без лишних слов он обрушил на мать град ударов. Женщина, пытаясь увернуться, отступила к двери в комнату, но муж догнал её, схватил двумя руками за голову, стараясь ударить о дверной косяк. И тут что-то подняло Шамиля с тахты. Он схватил отца за локти со спины и крепко прижал к себе. Внезапно он почувствовал в себе такую силу, которая позволила ему, неполных 13-ти лет худощавому мальчишке, удерживать сильного 40-летнего мужчину. Отец, подавшись назад, прижал сына к стене и несколько раз ударил его головой в лицо наотмашь. У Шамиля хлынула кровь. Всё дальнейшее он уже не помнил.

Очнулся он на тахте, как после сна. Рядом сидел Али, мать убиралась в коридоре. Ничто в доме не напоминало о происшедшем. Но Шамиль понимал – что-то изменилось. Больше отец не трогал мать, хотя иногда сын слышал, как

мать плачет по ночам. К Шамилю он стал относиться как к старшему, отдавая ему за обедом лучшие куски и называя своим помощником. Али совсем не выказывал недовольства.

Что-то изменилось и в отношении односельчан. Мальчишки, которые прежде смотрели на Шамиля с пренебрежением, теперь замолкали и глядели с подобострастием. Мужчины уважительно здоровались за руку, спрашивая о новостях. Женщины перестали хвастать своими синяками и, увидев Шамиля, старались угостить его кто чем мог.

Первое время после этих событий Шамиль пытался вспомнить хоть что-то. Но это ему не удалось, и он напрочь забыл обо всём. Но осталось ощущение силы – когда ты можешь всё.

Шли годы. Шамиль вырос, закончил школу и уехал учиться в город. Учился он хорошо и его оставили работать при институте.

Здесь он и встретил свою Надию. Жили они дружно. Хотя, бывало так, что уставший и раздраженный неприятностями на работе Шамиль срывался и начинал кричать, но руки на жену не поднимал. А ласковая Надия молча обнимала мужа и всё плохое уходило куда-то и в доме вновь воцарялся мир и слышался детский смех.

Мать Шамиля приезжала к ним в гости, зачастую оставаясь надолго. Эта уже старая, но подвижная, полная сил женщина ладила с невесткой, которая часто делилась со свекровью, помогавшей ей на кухне. Однажды она рассказала, как Шамиль поднял сразу обоих сыновей, бывших и выше, и шире отца каждый, и задумчиво прибавила: – "Есть в нём какая-то сила".

– "А знаешь, ведь он мне жизнь спас, – неожиданно сказала свекровь и, неизвестно откуда взявшиеся слёзы, потекли по её щекам.

Давно ушедшие события снова ожили в её памяти. Голос её часто прерывался и дрожал.

– "Когда отец несколько раз ударил, крепко державшего его Шамиля, головой в лицо у мальчика полилась кровь. Я сильно испугалась. Но неожиданно сын, ещё крепче сжав отца, поднял его в воздух и, с силой кинув на тахту, сказал:

– "Ещё раз тронешь, убью. Понял?"

И было во взгляде, в голосе, во всём облике мальчишки что-то такое, что сильный взрослый мужчина испугался и едва слышно прошептал: – "Понял".

И тогда Шамиль упал. Вместе с Али, прибежавшим на шум, я умыла и передела мальчика, уложив на тахту. Весть о происшедшем быстро облетело всё селение, навсегда изменив вековые устои. Любвеизлияний с помощью кулаков сразу стало меньше, а потом прекратились и вовсе".

Рассказывая, мать поглядывала на сына. Но Шамиль не слышал их, он видел лишь дочь, расставлявшей на столе пиалы с чаем и вазы с конфетами и вареньем. Конечно он любил всех детей одинаково, но мальчишки - его честь и гордость, будут рядом и он всегда сможет помочь им. А девочка уйдёт в чужую семью и ещё неизвестно как сложится её жизнь, а он так хочет, чтобы она была счастлива.

Но, видимо, Шамиль так и не осознает, что свой первый шаг к счастью дочери он сделал много лет назад.

Прыжок

Он стоял в оконном проёме. Он должен прыгнуть, должен. А то она уедет, а он останется. И тогда...

Он старался не думать о том, что это четвёртый этаж и приземляться ему придётся на асфальт. Единственное что он мог позволить себе, это попытаться, преодолев более восьми метров в сторону, опуститься вначале на бетонный навес над подъездом и уже потом, оттолкнувшись от него, приземлиться. Так шансы не сломать ноги несколько увеличивались, но, если он не долетит до подъезда, возрастала вероятность разбиться. Но он не думал об этом, не оставляя себе возможности передумать, он считал минуты, чтобы прыгнуть в последний момент и, сломя голову, бежать через весь город. Поезд отправлялся через двадцать минут.

Крепко взявшись за полы лёгкого пальто, превратив их в некое подобие крыльев, он прыгнул. Внезапно потемнело. И в этой кромешной темноте он ясно увидел чьи-то глаза, смотревшие на него. И было в этих глазах столько преданности и тепла, что исчезли все страхи и всё, казавшееся таким нужным и важным, вдруг стало пустым и ненужным.

Едва коснувшись кончиками пальцев навеса, он спружинил и, легко приземлившись, бросился к вокзалу. Он словно влетел в вагон и без слов сел рядом с ней. Постепенно удивление на её лице исчезло, уступая место смущению и улыбке.

Она сидела прижавшись к нему, положив голову ему на плечо. Ощущая тепло его тела и вслушиваясь в спокойные и сильные удары его сердца, она не думала не о чём. Она была счастлива.

Она не знала, что уже завтра, увидев его на улице, она пройдёт мимо, спрятавшись за тёмными очками. И потом, когда он уйдёт в армию, она так и не напишет ему ни одного письма. Но радостно сообщит ему, приехавшему в отпуск, что встречалась с парнем, который однажды просто не пришёл на свидание, и она поняла, что он, её солдат, самый лучший. Она ещё не знала, что это будет их последняя встреча.

Не знала, что через много лет будет плакать по ночам в подушку, боясь разбудить безмятежно спящего рядом мужа. Она ничего этого не знала. Счастливая, она сидела прижавшись к нему и вслушиваясь в удары его сердца.

А он сидел рядом, боясь шевельнуться и спугнуть счастье, задремавшее на его плече. Он ещё не знал, что уже завтра она пройдёт мимо, а потом, его - "красавчика и умницу", бывшего душой любой кампании, променяет на городского хулигана и сразит его своим предательством наповал. И он, разуверившись во всём, будет мстить всему миру, пустив свою жизнь под откос. Он ещё не знал, что его жизнь превратится в нескончаемое свидание, в котором будут меняться только лица женщин, и душа его испуганным котёнком спрячется где-то внутри так, что он и сам забудет, что у него когда-то была душа. Он ничего этого не знал.

Незаметно для себя, он поглаживал пальцы руки, лежавшей на его колене. Но, странное дело, он не думал о той, что сидела прижавшись к нему, он не замечал людей, находившихся в купе, он ясно видел глаза, наполненные любовью и теплом. Он ещё не знал, что обладатель этих глаз, девочка - подросток, которой едва исполнилось четырнадцать лет, однажды летней грозой ворвётся в его жизнь. Ворвётся, смывая как грязь всю боль, наполнявшую его сердце. Но, не выдержав его холодного одиночества и безудержного отчаяния, уйдёт. Уйдёт, чтобы вернуться уже навсегда.

А он, отогретый этим тёплым дождём, начнет оттаивать, остановившись на самом краю бездны. Он с удивлением обнаружит, что душа его ещё жива и в ней под этим дождём расцвёл цветок надежды, который заставляет нас жить в самых безысходных ситуациях.

Потом, через много лет, которые были наполнены теплом и любовью, он будет вспоминать этот свой прыжок как нечто живое, как исходную точку, с которой начался отсчёт его взрослой жизни. Он будет помнить, как та, первая, ушла,

закрыв дверь на ключ, оставив его одного в квартире. И отчаяние, и страх потерять её, толкнул его к окну на четвёртом этаже многоэтажки. Он навсегда запомнит юношу в оконном проёме, прыгающего навстречу своей судьбе.

Свидание (*не вымысел*)

На работу я не шёл, летел.

"Она согласилась. Я увижу её вечером", – эти мысли переполняли меня. На работе всё горело у меня в руках. Сослуживцы перешёптывались, поглядывая на меня, а Любовь Григорьевна выдала – "мальчишка".

Едва дождавшись конца рабочего дня, я уже спешил к месту встречи, представляя, как увижу её и что скажу ей.

Ненадолго остановившись у киоска с цветами, я выбрал три крупных нераскрывшихся бутона тёмно-красных роз, точно зная, что именно эти цветы она любит.

Как всегда, боясь опоздать, я пришёл раньше и долго ждал, нетерпеливо поглядывая на часы.

– "Кого ждёшь?", – она подошла неожиданно.

– "Тебя", – смутился я и, вспомнив, протянул ей цветы.

– "Спасибо", – улыбнулась она, её лицо порозовело от удовольствия.

– "Ну, пошли".

Мы ходили по улицам города, говоря о чём-то не совсем важном, глупом и смешном, сидели в кафе за чашкой кофе и смотрели, как на город опускается вечер. Когда совсем стемнело мы пришли на приморский бульвар и долго стояли, тесно прижавшись друг к другу, глядя в море. Мы

никуда не торопились, зная, что завтра выходной и можно подольше побыть вдвоём.

Потом, сидя на "нашей" скамейке, я читал ей свои стихи, а она слушала, положив голову мне на плечо. В тот момент во всей вселенной были только мы. И лишь подросшая берёза склонилась над нами, как и тридцать лет назад, как-бы вслушиваясь в признания двух влюблённых.

Домой мы возвращались рано утром. И редкие прохожие удивлённо смотрели на двух немолодых людей, которые шли крепко держась за руки. Шли, оставляя позади ссоры и обиды, боль и слёзы. Шли навстречу новым радостям и печалям, навстречу новому дню.

Ссора

Они повздорили. Бывает. Завтра они и не вспомнят о причине размолвки. Но сегодня...

Она говорила, не сдерживая эмоций, резко и жестко. Её слова, обидные и язвительные, наносили ему незаслуженную боль. Боясь сорваться, он схватил куртку и, не включая в подъезде свет, почти выбежал из квартиры. Не дожидаясь лифта, он бросился вниз по лестнице. Где-то наверху хлопнула дверь. Наступила тишина. Выскочив из подъезда, он замер. Это была не его улица. Точнее ...

Он шел, озираясь по сторонам и глядясь в лица прохожих. Ему были знакомы эти люди, но они почему-то шли мимо, не замечая его. И вдруг...

Воспоминания нахлынули неожиданно. Он узнал эту улицу, по которой часто гулял с отцом, слушая его рас-

сказы. Он узнал и эти дома в их небольшом городе. Он узнавал вывески, которые сейчас казались до смешного просты и очаровательны. Он узнавал людей.

Он шёл по улице своего детства. Вот его школа. Он помнил, что как-то мальчишкой порвал штанину, перелезая через забор школы, и потом ему досталось от матери «на орехи». А вот старый кинотеатр. Именно здесь он познакомился с дедом Всеведом, с Ассолью и Греем. Именно здесь он впервые увидел «Всадника без головы» и побывал в замке ИФ. Позже книги расскажут ему об этом и многом другом и станут его всепоглощающей страстью. Он будет читать всё подряд, по много раз перечитывая понравившееся. Но это позже, а сейчас память вела его по тихим улочкам детства, где он играл в «казаки-разбойники» с ребятами с их двора, по парку, где он однажды встретил её.

Ту – первую, которая, сверкнув яркой молнией, осветила его юность и исчезла, оставив после себя только боль, спрятанную им глубоко-глубоко на самом доньшке сердца.

И снова парк, но это уже другой парк. Парк в большом городе, куда он уехал учиться после школы. Парк и приморский бульвар, и его скамья. Позади скамьи три берёзки, посаженные им в один из вузовских воскресников. Он любил это место и часто приходил сюда. Здесь, закрыв глаза и слушая море, он уносился в одному ему известные города и страны. Через много дней эти его странствия обретут жизнь в рассказах и стихах. Но это через много дней, а сегодня...

На его скамье кто-то сидит. Девушка. С книгами. Наверно тоже студентка. Протягивает ему исписанный лист. Стихи. Его стихи.

– «Я нашла это здесь, наверно ваше», – и улыбнулась просто и искренне.

Также просто и искренне она улыбнётся ему, промолвив робкое «да» и глаза её будут полны любви и тепла. И он будет счастлив. Он будет счастлив и когда она выйдет с их

первенцем из дверей роддома. Они вместе будут радоваться и первому шагу, и первому слову. Он задумался, но нетерпеливая память вела его дальше. Вот и дочь, неуклюже складывающая свою одежду перед сном, и пресекающая любые попытки помочь ей коротким – «я сама». А вот младший – забияка и драчун, именно он приносил больше всего беспокойства. Вместе ними они снова ходили в школу, снова дружили и влюблялись. Вместе с детьми они заново познавали простые и вечные истины. Благодаря им они стали ещё ближе, ещё роднее. Они, уложив детей, говорили о чём-то своём, засиживаясь допоздна. Он читал ей стихи о любви – его любви к ней, а она улыбалась просто и искренне и глаза её были полны тепла и любви.

Он снова задумался. Они - это он и она, вместе. Но сегодня он оставил её одну. Он, который всегда был ей подержкой и защитой, бросил её. Он остановился. Где он, куда идёт?..

Где-то хлопнула дверь. Неожиданно улица наполнилась шумом. А он...

Он стоял у своего подъезда с курткой в руках. Он уже не помнил, что произошло и куда он шёл. Он знал только одно: они - это он и она.

Он взбежал по лестнице, перескакивая через две ступени. Она стояла в дверях.

Прижавшись к нему, она улыбнулась просто и искренне: «Прости». И он снова был счастлив.

– «Ну что, пошли», - он обнял её за плечи. Им предстояло заполнить приглашения – дочь выходит замуж. С момента их ссоры прошло 15-ть минут.

Наедине с собой

...С любимыми не расставайтесь!

Всей кровью прорастайте в них...

А. Кочетков.

Утро.

Тебя нет... Ты уехала почти на три недели... Я остался один...

Боль жесткой рукой сжимает сердце... Губы кривятся в горькой улыбке и слезы скользят по щекам...

Один... Пока еще не осознаешь всей боли... Просто ощущаешь какую-то пустоту внутри, как-будто у тебя вырвали сердце и отняли душу... И теперь ты должен жить с этой пустотой внутри... С этой болью...

День.

Утром в квартире тихо. Автоматически умываюсь, выпиваю чашку кофе и отправляюсь на работу. И не потому, что хочется, а потому что – надо. Надо жить. Возможно среди людей боль станет тише и сумею пережить этот день...

Здороваюсь с сослуживцами, отвечаю на вопросы, которых даже не слышу. И понимаю, что это не я. Меня здесь нет. Просто включился какой-то робот, автопилот, который все делает вместо меня. А я?.. Я с тобой...

Молча и скрупулезно робот внутри меня делает мою работу. А я говорю с тобой. Говорю о том, чего не мог – стеснялся или боялся, сказать раньше. О том, как сильно я люблю тебя. О том, что ты очень нужна и важна мне. О том, что благодаря тебе я стал сильным и нужным. О том, что ты научила меня любить. И именно с тобой я люблю и любим. Я говорю и говорю. И слышу в ответ:

– «Да, родной». И вижу твою улыбку. И понимаю, что ты со мной, здесь рядом...

Обед... Молчаковыряюсь в тарелке с салатом – есть не хочется. Замечаю жалеющие взгляды и продолжаюковыряться в овощах...

С трудом дотягиваю до конца рабочего дня и отправляюсь домой. Иду пешком, хотя путь и не близкий. Просто боюсь снова оставаться один в пустой квартире, где все живет и дышит тобой. Небрежно брошенное чайное полотенце... Твоя любимая чашка... Все здесь напоминает о тебе... И боль с новой силой накатывает и накрывает меня с головой...

– «Слышишь, я не могу без тебя... Не могу... И не хочу...»

Беззвучно говорит телевизор – вечерние новости. Нужно идти спать. Боюсь...

Ночь.

Боюсь...Никто мне не скажет – «Спокойной ночи, родной». Никто не закинет свою ногу мне на ноги и улыбнется при этом.

Боюсь не видеть твоих любящих глаз, смотрящих на меня с улыбкой. Вместо них вижу осиротевший платяной шкаф с твоей одеждой. И снова боль...

Отворачиваюсь к стене и... Усталость этого бесконечного дня давит на веки... Проваливаюсь в сон... Просыпаюсь... В комнате темно и тихо. Не слышно твоего ровного спокойного дыхания. И только страх заполняет комнату. Страх одиночества... Молча хожу по пустой и темной квартире. И вместе со мной ходит моя боль, тяжелым камнем осевшая внутри меня, там, где когда-то была душа... Хожу и говорю с тобой. Говорю громко, как если бы ты была в другой комнате. И кажется, что ты здесь со мной, смотришь на меня, улыбаешься мне...

Странное чувство твоего присутствия успокаивает. Надо бы лечь и поспать хотя бы еще немного, но боюсь. Боюсь потерять это внутреннее равновесие внутри...

Боюсь снова оказаться наедине с платяным шкафом в безмолвной спальне...

Снова и снова я хожу пустой квартире и говорю с тобой. Говорю, что понимаю, что там, где ты сейчас, наверное, ты нужнее. Говорю, что понимаю, что я не единственный кто любит тебя, просто я люблю тебя сильнее и больше всех и очень скучаю. Говорю, что знаю, что мы встретимся, и я переживу это трудное время до встречи. Говорю, что жду с нетерпением нашей встречи, и дождусь. Ведь иначе нельзя, иначе моя жизнь потеряет всякий смысл...

Я хожу и хожу, и электронные светящиеся часы на стене бесшумно отсчитывают время этой нескончаемой ночи...

Новое утро.

Вот и рассвет. Утро заглядывает в мои окна. Я один.

Больно и грустно. Но я знаю, что выдержу. Выдержу потому, что у меня есть смысл в жизни. Я жду нашей встречи. Жду и обязательно дождусь. Сутки уже прошли. И осталось только девятнадцать дней и ночей.

Ведь ты уехала только на двадцать дней. Таких долгих двадцать дней.

Возвращайся быстрее, душа моя. Я жду тебя. Очень жду...

Чудо

Он устал. Он устал так сильно, что, казалось, усталость заполнила все его тело, каждую клеточку и душа, спрятавшись от назойливого соседа, стала невидимой. Он бы забыл, что у него когда-то была душа, также как забыл о том, что, несмотря на возраст, всегда по-детски верил в чудеса.

Он бы забыл, если бы не слезы, падающие на детское одеяльце.

Он ходил по комнатам, нежно прижимая к себе крохотное тельце и напевая о черном вороне, кружащемся над его головой. Станным образом он ощущал этого ворона, ждущего, когда он упадет. Но он не падал. Он не мог упасть, не имел права.

– «Кто, если не я?», – эта мысль не давала ему упасть и уснуть даже тогда, когда все его тело требовало – «Спать!»

– «Кто, если не я?», – и он вставал, едва проспав час-полтора после двенадцати часовой ночной смены.

– «Кто, если не я?», – и он улыбался, открывая дверь, выслушивая последние наставления и забирая малышку.

Он улыбался и тогда, когда рассказывал о прошедшем дне и возвращал ребенка. Он всегда улыбался, как бы говоря, - «не сомневайтесь, все хорошо», потому что, «если не я, то, кто?».

Долгие месяцы по утрам он забирал девочку, после обеда возвращал ее и уходил на работу. И улыбался. Но то, что происходило между этими двумя улыбками, знали только он и эта малышка. Но она еще не умела разговаривать, а он... А он не имел права говорить о том, что устал, что у него нет сил, и его единственное желание – отключиться от всего, забыв и домашних делах и о проблемах на работе. Отключиться хотя бы на какое-то время, но он не имел права.

И потому, он ходил по комнатам, напевал о черном вороне и беззвучно плакал. Плакал от боли и обиды. От боли, которой отзывалось на каждое движение его уставшее тело. И от обиды, что никому нельзя рассказать о боли и от того, что никого нет рядом, когда ему так трудно. И только эта маленькая девочка, улыбаясь ему, давала силы не сломаться и не упасть. Эта малышка возвратила его веру, подарив ему свои первые слова и первые шаги. Она вернула его душу, отдавая ему свою бескорыстную любовь...

Прошло время...

...Усталость, осевшая белой дымкой у него на висках, лишь изредка напоминала о себе болью в коленях. Но он улыбался. Теперь он улыбался потому, что снова верил в чудо. Этим чудом была маленькая девочка, преданно заглядывающая ему в глаза и, почти неслышно, шепчущая – «деда».

Встреча с ...

Мы встретились случайно, в подземном переходе, каких не так много в нашем небольшом провинциальном городке. Юноша шел, с каким-то отсутствующим взглядом. Глаза его умные и чистые смотрели куда-то вдаль. Казалось, он видел то, чего другие увидеть не могли. Лицо его было освещено внутренним светом – он улыбался, что-то тихо напевая про себя.

Заметив мой пристальный взгляд, он сначала замедлил шаг, о чем-то раздумывая, и остановился.

– "Извините, мы знакомы? Мне, кажется, я где-то вас видел, но где не помню. Мы нигде не встречались?" – он задумался.

– "Странно, я вас знаю, но откуда?"...

Видя мою улыбку, он смахнул тень с лица,

– "Да ладно, потом вспомню".

– "Ты не торопишься?" – неожиданно для себя, спросил я.

– "Да нет, не очень, – юноша нисколько не удивился, – Время есть".

– "Пройдемся?" – я неторопливо зашагал к выходу из перехода.

Мы шли, молча, думая каждый о своем. Юноша заговорил первый. Он говорил так, словно мы уже долго беседовали о чем-то интересном и остановились, чтобы перевести дух. Он говорил о том, что учится, но учеба ему не очень нравится и хотелось бы найти что-то «свое». Но он не может бросить учебу из-за отца, которого очень любит и уважает...

– "Знаете, я, кажется, понял, откуда мне знакомо ваше лицо", – неожиданно сказал он.

– "Вы очень похожи на моего отца. Удивительно похожи. Бывает же", – он недоумевал. Я улыбнулся.

– "Но я, наверное, все-таки брошу учебу и пойду в армию, а там видно будет", – после минутного размышления юноша снова заговорил.

Говорил он о себе, о девушке, которую любит, и, которой из-за внутреннего стеснения, не может сказать о своем чувстве. О том, что пишет стихи и рассказы, правда не очень хорошие, но искренние.

Юноша говорил долго, иногда замедляя рассказ и как бы уходя в самого себя. Говорил о прошлом и будущем, о своих мечтах и надеждах. Он говорил и говорил, но я почти не слушал его, углубившись в свои воспоминания.

– "Спасибо вам", – голос юноши прервал мои мысли.

– "Вы действительно похожи на моего отца. Только он может, ничего не говоря, просто выслушав человека, помочь ему. Спасибо, вы мне здорово помогли", – юноша улыбнулся.

– "Я пойду", – он протянул руку, прощаясь.

– "Увидимся. И не раз, поверь мне", – я снова улыбнулся.

Юноша, не понимая, пожал плечами и ушел.

Разумеется, я ничего ему не сказал. Не сказал того, что однажды ради своей девушки он выпрыгнет из окна квартиры на четвертом этаже.

Но потом расстанется с ней, хотя память о ней будет хранить на самом доньшке сердца, закрыв доступ даже для самого себя. С возрастом он поймет, что любви и не было, была пылкая юношеская влюбленность, этакое желание любви.

Не сказал, что он действительно бросит учебу и уйдет в армию, но по возвращению снова вернется к учебе, поддавшись уговорам отца. Но проучившись еще год, все же оставит институт и пойдет работать на завод.

Потом, позже, он снова начнет учиться заочно и, окончив институт, станет инженером. Более того, будет одним из лучших в городе в своем деле.

Не стал говорить и того, что однажды он встретит девушку, которая станет смыслом его жизни. С ней он создаст семью, вырастит детей, увидит внуков. С ней он будет радоваться и огорчаться. Ей он будет писать стихи о любви, хотя сам, из-за внутреннего стеснения, никогда не признается, как сильно ее любит.

Я не рассказал, юноше, что все его мечты обретут жизнь в рассказах, сказках и стихах. Что он станет писателем, будет печататься и издавать книги. Не сказал, что он

навсегда останется мечтателем и романтиком, но будет скрывать это за шутками и внешней бравадой.

Я ничего этого не рассказал ему. Пусть идет своей дорогой. Поступает правильно и ошибается, радуется и огорчается, плачет и смеется. Пусть живет. Ибо не должен знать человек своего будущего, даже если случайно встретится с ним в подземном переходе.

А я?.. Я пойду домой, обниму, вышедшую навстречу, жену. И, преодолев внутреннее стеснение, расскажу, как сильно ее люблю. И еще скажу ей, что она - главный смысл моей жизни.

Королева

(исповедь женщины среднего возраста)

* * *

Он лежал на небрежно брошенном на пол матрасе, который она заботливо застелила детской простынкой. Лежал он на животе, непринуждённо согнув ноги. Эта женщина умела «выжать» из него всё без остатка, заставляя при этом получать удовлетворение от наступившей опустошённости.

Она сидела рядом и о чём-то рассказывала. Рука её лежала на его спине. Касаясь легко и нежно, как может прикасаться только любящая женщина, она незаметно для себя поглаживала его плечи, руки, спину. Она, знавшая многих мужчин, восхищалась его телом, дышащем силой и здоровьем. Широкоплечий, с хорошо развитой мускулатурой, он

выглядел моложе своих лет, и только седая голова и, слегка выступающий, животик говорили, что ему уже за пятьдесят.

Почти не вслушиваясь в её рассказ, и изредка бросая ничего незначащие реплики, он наслаждался охватившей его истомой.

Неожиданно прозвучавшая фраза привлекла его.

– «Что, что?», – скучающе переспросил он, не выдавая своего внимания.

– «Ну, он предложил подвезти меня куда мне нужно», – рассказывала она о ком-то, – «и я сказала, чтобы смотрел на молоденьких, а он – слушай, какие молоденькие, когда рядом такая «бомба».

Она действительно выглядела потрясающе, заставляя оглядываться мужчин и презрительно ухмыляться, не скрывающих завистливых взглядов, женщин. Не смотря на свои 44 и пятерых детей, она осталась стройной, с небольшой, но высокой грудью, красивыми попой и ножками, Одеваясь при этом чуть вызывающе и подчёркивая свои прелести, она несла своё достоинство нежно и осторожно, как бы говоря – это я, и Я – Королева. И проезжающие мимо водители, признавая это, приветствовали свою королеву музыкой множества сигналов.

Он улыбнулся. Она явно гордилась своей броской красотой – чуть раскосыми черными глазами, чуть смуглой кожей и изящной фигурой, милостиво разрешая миру поклоняться этой красоте.

– «А тебе не кажется, что они видят в тебе только ...», – он умышленно не произнёс последнего слова, боясь обить её.

– «Каждый видит то, что хочет», – не заметила его иронии она.

– «Я знаю, кто я», – добавила она и затихла. Он почувствовал изменения в её настроении и тоже притих.

– «Когда я ушла от своего первого, – заговорила тихо и медленно, – у меня уже был Женечка". Затуманенным взглядом она смотрела в окно, как бы доставая из памяти забытые воспоминания.

– «Сколько же тебе было, когда ты Женьку родила?», – чуть дрожащий голос выдавал его интерес.

– «Восемнадцать с половиной», – она не заметила дрожи в его голосе.

– «Мой пил, и пьяный не жалел ни меня, ни двухмесячного ребёнка. И я ушла. Вначале жила с отцом, но его жена доставала меня, и я поехала к матери на Украину».

Он вспомнил, что она как-то рассказывала, что её родители разошлись, и ей остались раскосые глаза, смуглая кожа и темперамент отца – выходца из средней Азии. От матери – украинки, она получила статность и женственность.

– "Но отчим начал приставать ко мне и, разругавшись с ним я ушла. Жила у девчонок в общежитии. Потом познакомилась со своим вторым. Собственно, я его знала и раньше, но дружбу не водила. Его другая провожала в армию, но не дождалась, выскочила замуж. Мы встречались некоторое время, а потом я перешла жить к нему. Расписались, когда я забеременела. Родился Валерка. Постепенно муж изменился – он и так никогда не был «гигантом», а тут и вовсе перестал реагировать на меня – словно как бревно рядом. Вначале я терпела, но... Молодая, темпераментная женщина, организм требует – как терпеть.

Мужчина, с которым я встречалась, был на девятнадцать лет старше меня. Он сильно помогал – и мне подарки, и детям. И то, что я «умею», я у него научилась», – она загадочно улыбнулась.

– «Родилась Юлька».

– «Сколько же тебе было?» – он уже не скрывал своего интереса.

– «Валерку в двадцать, а через два года – Юльку». Она задумалась.

– «Потом я встретила своего Альку. Молодой, сильный – он сразу понравился мне, как говорят – с первого взгляда. Он забрал нас к себе. Дети привязались к нему, стали называть его папой. Мы расписались».

Неожиданно она повернулась к нему.

– «Знаешь, мы уже шестнадцать лет вместе и у нас двое своих детей, но я люблю его по-прежнему – пишу ему стихи и любовные письма».

– «Как – письма?» - не понял он.

– «Ну, когда его нет – в «командировке», я пишу письма».

– «Извини, но тогда зачем тебе мы?», – он знал, что не единственный в её жизни.

– «Понимаешь, – она виновато улыбнулась, – таким, как ты сейчас, в плане секса, Алик был, когда мы познакомились. А сейчас, по большей части, спит. И потом, Алька у меня запойный, как начнёт пить – меня бьёт, буянит, ну я и звоню куда нужно. Приедут, заберут его и в «командировку», а я одна.

– «И сколько раз он уже ездил «за туманом».

– «Трижды – полтора года, год и восемь месяцев и сейчас на десять месяцев».

– «...и как дети смотрят на это?».

– «Дети уже взрослые и всё понимают. Моей младшей уже пятнадцать».

Кстати, знаешь, я уже бабушка и внучке три года. Такто», – торжествующе добавила она. «Юлька сошлась с одним и родила в восемнадцать лет. Рановато, конечно, но я рада и, по возможности, помогаю ей».

Говоря это, она удобно улеглась на его спине, прижавшись к нему грудью. Он чувствовал трепет её тела, но муж-

чина в нём уступил место человеку, всю жизнь пытающемуся понять первопричину тех или иных поступков. Человеку, ищущему суть и смысл человеческой жизни...

Прошло много дней. Они больше не встречались. Но ещё долго, он не мог понять – кто она, женщина «лёгкого поведения», которой сигналият проезжающие мимо водители, или женщина, которой не очень везло в жизни. Женщина, которая хочет быть счастливой, или женщина, готовая платить своими чувствами за каждую минуту призрачного счастья. Женщина, которая хочет быть любимой, или женщина, готовая любить любого, кто рядом с ней, отдавая ему и тело, и душу.

* * *

Он шел не спеша, всматриваясь в новые черты города. Он не был здесь уже несколько лет и теперь с интересом наблюдал за жизнью города, заглядывая в распахнутые окна, вслушиваясь в обрывки фраз, всматриваясь в лица спешащих мимо людей.

– "Ты?!" – услышал он чей-то оклик, – "Ты! Какой ты стал!".

Перед ним, согнувшись под тяжестью кулков, стояла женщина.

– "Да!" – в ее голосе слышались нотки восхищения.

– "Ты всегда был что надо, а теперь просто супер".

Чуть выше среднего роста, прямой и сильный, с абсолютно седой головой и живыми глазами, он вызывал восхищение знакомых женщин. Но ее он не знал. Невысокая, стройная, насколько может быть стройной женщина за пятьдесят с хвостиком, со следами былой красоты, она вызывала в нем далекие воспоминания. Но нет, он не узнавал ее.

– "Не узнал", – вздох разочарования слышался в ее голосе, – "Кому нужны бывшие королевы?"

– "Королева? Ты?", – память открыла нужную страницу, – "прости, не узнал".

Они сидели на скамье. Она рассказывала о детях, которые давно живут отдельно, иногда подбрасывая ей внуков, о муже, который пьет помногу и часто, о себе...

Он вслушивался в ее голос, из которого исчезли бравада и восторг. Он всматривался в ее лицо, в котором едва можно было отыскать былые изысканность черт и изящество линий. Рядом с ним сидела уставшая женщина. Женщина, почти переставшая следить за собой, обремененная ежедневными заботами и житейскими проблемами. Она говорила и говорила, но он почти не слушал ее, отдавшись во власть воспоминаний.

Выговорившись, она неожиданно заспешила.

– "Увидимся", – с безнадежной тоской сказала она, махнув рукой. Уходя, она оставила за собой щемящую боль, и едва заметный запах вина.

А он еще долго сидел на скамье. Сидел и думал. Думал о жизни и о людях, о себе и о ней. А в висках набатом звучали две фразы. Одна фраза, сказанная женщиной востребованной и уверенной в себе, – «Я - Королева!» И другая – женщиной растерянной и почти одинокой, - «Кому нужны бывшие королевы?» Две фразы, в которые уместилась целая жизнь.

Двое

Они

Они всегда были вместе. Так получилось, что в первом классе учительница посадила их рядом за одну парту. В младших классах он носил ее портфель. В средних – защищал от желающих дернуть ее за косу. В старших – был ее рыцарем и телохранителем, держась на один шаг позади по дороге в школу и обратно. Она была его музой и кумиром. Он рисовал ее всегда, и когда еще не очень умело, держал карандаш в руках. И когда начал рисовать гуашью и акварелью. И потом, когда его рисунки и картины требовали уже подписи художника. Они всегда были вместе. Но...

Закончилась учеба в школе. Завтра прозвонит последний звонок. И...

Она уедет учиться в большой город. А он останется здесь, в небольшом городке, где прошли детство и юность, и начнет работать, помогая матери. И в этот, последний свой вечер перед расставанием, они пошли на берег моря, куда любили приходить вдвоем. Любили приходить рано утром перед восходом солнца. И тогда она протягивала руки навстречу восходящему светилу и кричала:

– «Здравствуй, Солнце!».

А он, стоя рядом, чувствовал, как радуется и поет ее душа, потому, что и его душа, тоже радовалась и пела.

Или приходили поздно вечером, и тогда она кричала:

– «Прощай, День! Мне было хорошо с тобой!», - и смеялась.

И он смеялся тоже, потому что и ему было хорошо с ней.

И сегодня им хорошо вдвоем. И грустно расставаться, ведь они всегда были вместе.

Он

Он пошел работать завод, где когда-то работал его отец. Отец был мастером и пользовался уважением сослуживцев. Но когда сыну не было и пяти лет, он умер от какой-то болезни. Старые друзья отца, изредка навещавшие их с матерью, встретили его, помогли с оформлением на работу и взяли под свою опеку.

Работал он с полной отдачей, как делал, впрочем, и все остальное. Освоив со временем все тонкости производства, он стал настоящим мастером своего дела, оставаясь при этом простым и добрым, готовым любому прийти на помощь.

По-прежнему большую часть своего свободного времени он отдавал рисованию. Вначале, сразу после ее отъезда, он рисовал только ее – вот она на берегу моря, в парке, гуляет по улице. Со временем тематика его рисунков изменилась – вот море перед закатом, листопад в парке, завод...

Постепенно из молчаливого и стеснительного, каким он был после ее отъезда, он стал общительным, пользующимся авторитетом ровесников парнем.

Но никто не знал, как бережно он хранит память о каждой проведенной с ней минуте. Никто не знал, как сильно он скучает по ее улыбке и ее смеху. Никто не знал, что он ходит поздно вечером к морю и тихо-тихо, почти про себя говорит:

– «Прощай день! Мне плохо без нее!», – и молчит, глядя далеко в море.

Она

Училась она легко. Ей без труда давались и закрученные математические формулы, и философские трактаты. Она без труда вписалась в новый для себя студенческий

коллектив, завела друзей и подруг. Но, странное дело, она так и не смогла найти кого-то, кто смог бы ей заменить его. Первое время она очень скучала по нему, ей не хватало его незримого присутствия. Ей не с кем было поделиться своими переживаниями и впечатлениями, некому открыть душу. Многие парни пытались ухаживать за ней, но она, встретившись один-два раза, понимала, что это не её.

Постепенно студенческая жизнь захватила ее, и она почти забыла о нем, лишь иногда с легкой грустью вспоминая их походы на море, его умение, молча выслушивать ее девичьи «глупости», понимающе улыбаясь при этом. Постепенно...

Она жила легкой, почти беззаботной жизнью, отдавая всю себя учебе. Но, иногда, в тишине, оторвавшись от конспектов, она понимала, что ей чего-то не хватает. Чего-то такого простого, но очень важного, без чего ее жизнь теряет смысл. Но потом, встряхнув головой, снова уходила в учебу. И в этой студенческой круговерти она забывала о таких минутах.

Закончив учебу и получив диплом, она вернулась в родной город. Выйдя с вокзала, она решила идти пешком, дабы увидеть, как изменился город за прошедшие годы. С первых минут она была приятно удивлена – город вырос, появилось много новых зданий, в основном девятиэтажек. Появились новые парки и скверы, детские площадки и аттракционы. С многих высотных зданий смотрели яркие вывески афиш и плакатов.

Странным образом, один такой плакат привлек ее внимание. Он встречался довольно часто на ее пути, глядя с высоты своих девяти этажей.

Девушка, изображенная на плакате, протягивала руки к солнцу. Волосы ее развивались на ветру. Внизу плаката было только одно слово – ПОЛЕТ.

Она долго всматривалась в эту картину, что-то очень знакомое было в лице девушки, во всем ее облике. И вдруг ее осенило – это же она. Она, протягивающая руки к солнцу и радующаяся каждому дню. И тут она поняла, чего так не хватало ей все эти годы.

И, забыв обо всем, она стремительным шагом направилась к его дому.

Вместе

Он ждал ее у ворот. Его чистые глаза выдавали всю гамму чувств, которые он, впрочем, и не пытался скрывать.

– «Пойдем», – она взяла его за руку. И они, как когда-то, пошли к морю.

На берегу, держа его за руки и глядя ему прямо в глаза, она призналась:

– «Ты нужен мне! Ты – мои крылья, без тебя я не могу летать!» - и засмеялась от счастья, переполнявшего ее. И он смеялся тоже. Они смеялись и радовались. Они были вместе.

Близость (история любви)

Встреча шестая

Он вышел из душа. Невысокий со спокойными умными глазами, он неторопливо прошел к дивану, сел и прикрылся полотенцем, которое держал в руках. Она вышла почти сразу за ним, закутавшись в полотенце. Прошлепав мок-

рыми ногами по паркету, схватив по дороге со стола мобильник и круасан, она села рядом и, повернувшись к нему спиной, уютно устроилась у него на груди. Слегка развернувшись, он сел так чтобы ей было удобней. Повернув к нему лицо, она поцеловала его, оставив на его губах вкус шоколада.

Они сидели, молча, наслаждаясь близостью.

Она что-то искала в мобильнике, изредка посматривая на него своими живыми глазами и улыбаясь. Он, устремив свой взгляд куда-то вдаль, думал о ней, вспоминая их самую первую встречу...

Они, встретившись случайно на просторах огромной паутины интернета, как-то сразу сблизились и договорились встретиться, благо жили в одной стране в полутора часах езды на авто. Тогда они еще не думали о чем-то серьезном, важно было уйти от самих себя.

Он пытался уйти от одиночества, которое окружало его в семье, от пренебрежения и равнодушия жены и душевной боли, которую он хоронил внутри себя. И ему было неважно с кем и где, главное забыть хотя бы на короткое время.

Она старалась забыть того, кто, говоря ей о любви, искал очередную жертву, умело расставляя сети лжи и притворства. Она, разочаровавшись в самом чувстве, хотела уйти от себя самой и забыть, а с кем и как ей было все равно...

Он помнил, как они в первую их встречу, почти без слов, занимались сексом яростно и жестко, давая себе короткое время на передышки. Сейчас, через много дней, он понимал, что это был не секс - это было бегство от самих себя, от боли и разочарования. Он помнил, как она поворачивалась к нему спиной, отводя взгляд. Тогда они еще не понимали, что нашли друг друга в этом огромном мире.

Нашли того, кто выслушает и поймет. Нашли того, кто всегда будет рядом, даже находясь за сотни километров...

Расставаясь, они договорились встретиться снова...

Потом, через много дней, они признаются друг другу, что в тот первый раз поняли, что нужны друг другу. Ему нужны были и друг, и женщина. И то, что именно в ней он нашел и то, и другое было чудом. Ей нужен был мужчина, и он оказался именно таким, кого она искала. Более того, он оказался приятным и умным собеседником, и она даже скажет однажды - "вначале я влюбилась в твои мозги"...

Но все это будет потом.

С каждой новой встречей они открывали друг в друге новые стороны, доверяясь друг другу и становясь ближе и ближе...

Они наслаждались близостью. Она, что-то искала в мобильнике, время от времени поворачиваясь к нему и улыбаясь. Он любовался ею, понимая, что ради этих минут стоит жить.

Им никто не был нужен. Они были друг у друга...

Встреча семнадцатая

Он лежал на спине, подложив обе руки под голову. Не смотря на пятьдесят с хвостиком, тело его было крепким и сильным. Чистые и умные глаза, на самом дне которых притаилась усталость, смотрели прямо перед собой.

Она лежала на боку, положив голову ему на грудь и прижавшись к нему всем телом. Она, возраста бабьего лета, была очень миловидной и привлекательной.

Легкое покрывало небесного цвета небрежно покрывало их тела. Он ощущал округлость ее груди и чувствовал теплоту ее тела. И это ощущение наполняло его необъяснимым чувством покоя и умиротворения.

Подняв взгляд и улыбнувшись, она попросила - "Расскажи что-нибудь. Что-нибудь о себе".

Он задумался. В его жизни было много всего. Было и хорошее и не очень, доброе и не очень. Было даже такое, о чем он старался не вспоминать, боясь этого и спрятав это на самом доньшке сердца. Но рядом с ней он забывал о страхе и... Покопавшись в памяти, он достал самое сокровенное.

Он рассказывал ей о том, как встретил женщину. Встретил совершенно случайно – интернет-сообщение ушло не по адресу. Как потом часами они говорили друг с другом, и что взаимное доверие и понимание пришло как-то сразу. И о первой встрече и том, что женщина эта стала для него самым близким человеком. Он говорил и говорил, изредка умолкая и уходя в себя, как бы листая страницы памяти.

Она слушала, прижавшись к нему. Она любила слушать его голос. Негромкий и мягкий, он проникал внутрь нее и легкими касаниями заставлял звучать струны ее Души по-новому – чище и полнее, наполняя ее мир светом и нежностью.

Он мог рассказывать часами, но слушать его никогда не надоедало. Он не говорил избитых затертых истин, имея на все собственный взгляд и суждения, порой удивительные и неожиданные. Он мог о самых сложных вещах говорить так просто и доступно, что потом она удивлялась, как сама не додумалась до такой простоты.

Она слушала его и вспоминала о своем. Она вспоминала, как долго не решалась ответить на пожелание "Доброго утра", пришедшее ниоткуда и не известно от кого. Вспоминала о том, как долго раздумывала, когда он попросил номер ее телефона, и как долго не решалась ответить на его звонок. О том, как сразу исчезли все страхи и тревоги при первых звуках его голоса. И первую встречу с ним. Тогда она еще не знала, что он станет самым важным в ее жизни. Что именно с ним она будет говорить о своих тревогах и проблемах. Тогда она ничего этого не знала.

Он обнял ее и, прижимая к себе, вдохнул запах ее волос. Она еще крепче прижалась к нему, спрятав свое лицо у него на груди. Она вдыхала его запах, чтобы дышать им все дни до новой встречи.

Им никто не был нужен. Они были друг у друга...

Встреча двадцать первая

За окном шел дождь. Она, выйдя из душа, надела, принесенные им, теплые носки и футболку. Конечно, все это было ей велико - носки на её ногах превратились в гольфы, а футболка в просторное мини платье, но ей было тепло и уютно в этом. А осознание его любви и заботы наполняло ее сердце счастьем и покоем.

Он вышел из душа через несколько минут и улыбнулся, глядя на нее. Усадив ее на диван, он поправил носки и, едва касаясь, нежно поцеловал её открытые бедра. Наклонившись, она прижалась к его затылку губами.

– "Знаешь, я проголодался", – признался он. Она, чмокнув его в щеку, засуетилась и, достав тарелки, разложила на них черный хлеб, нарезанные овощи и куриную грудинку, запеченную в соусе.

Он подвинул к дивану небольшой журнальный столик и расставил на нем наполненные ею тарелки. Затем достал сок из холодильника и пару стаканов из шкафа. Она поставила на стол тарелку с нарезанными фруктами.

Они ели руками, забыв о столовых приборах и наслаждаясь едой.

Он о чем-то рассказывал, не отвлекаясь на сообщения, о которых время от времени сигналил телефон. Она смотрела на него и, вслушиваясь в его рассказ, "купалась" в своем счастье.

За окном шел дождь, но мир перестал существовать. Им никто не был нужен. Они были вместе...

Закончив трапезу, он прошел в ванную вымыть руки, но телефон настоятельно просигналил, напоминая о сообщении.

– "Интересно, кто это?", – подумал он.

– "Сейчас посмотрим", – она улыбнулась и мизинцем прикоснулась к экрану. Открывшееся сообщение, темной тучей повисло над ней. Мысли, одна тревожнее другой, пронеслись в ее голове.

– "Кто это? Почему обращается к нему – "хороший мой?". "Может у него еще кто-то есть?", – ревность заполнила ее сердце. Мир вокруг нее стал серым.

– "Будем пить чай?", – спросил он, вытирая руки, и удивился наступившей тишине.

– "Где ты? Что с тобой?", – она стояла перед ним бледная и, какая-то, потерянная.

"Что случилось, что произошло?" – думал он, оглядывая комнату.

Взгляд его упал на светящийся экран телефона.

"Что она увидела?", – растерялся он.

– "В этом ничего нет, ты не думай", – он взял ее за руки. Она вырвала руки.

– "Как ты мог? Как?", – она закрыла ладонями лицо, слезы потекли по щекам.

– "Нет, нет. Не плачь, ничего нет", – он попытался ее обнять.

– "Другая женщина говорит тебе – хороший мой – и ты говоришь ничего нет...", – перед ним стояла отчаявшаяся женщина, готовая на все, чтобы защитить то, что принадлежит только ей.

Она била словами больно и жестко, не жалея ни себя, ни его. Боль и обида сжигали в сердце все чувства, которыми она жила последнее время. Глаза, красные от слез, выражали все ее эмоции.

Только одна мысль гудела набатом в его голове.

"Она уйдет! Она уйдет! Я не смогу без нее... я умру..." – скупые слезы поползли по его, как-то сразу, потемневшему и осунувшемуся лицу.

Он без сил опустился на диван, повторяя снова и снова – "ничего нет... ничего нет...".

Она еще долго сыпала фразами, не выбирая выражений. Но гнев и злость уже начали иссякать. Она села рядом с ним, продолжая что-то говорить.

– "Ну что ты молчишь?", – она взглянула на него.

Он сидел потерянный с почерневшим лицом. Она коснулась его и испугалась – рубашка на нем была мокрой, губы шевелились, произнося что-то невнятное.

– "Не молчи, скажи что-нибудь". – ее сердце наполнилось смешанным чувством тепла и жалости. Она прижалась к нему.

– "Не бросай меня". – он смотрел глазами полными слез.

Они долго сидели молча, прижавшись друг к другу.

– "Отвези меня домой", – попросила она.

Они ехали молча, изредка посматривая друг на друга.

– "Приедешь, позвони", – попросила она прощаясь.

Ночь для них была долгой, почти бесконечной. Они не спали, отдавшись мыслям о происшедшем. Понимая, что не могут потерять друг друга, оба со страхом и нетерпением ждали наступления завтра.

День начался с обычных приветствий, но чувствовалась некоторая неловкость.

– "Прости меня. Прости", – его голос в телефонной трубке дрожал.

– "Как ты не понимаешь, – обида сквозила в ее голосе, – вчера утром я была самой счастливой женщиной на свете, а сегодня...".

Они говорили очень долго. Она спрашивала, он отвечал. Она опять спрашивала, снова и снова возвращаясь к мучавшему ее вопросу. Он отвечал честно и прямо, понимая, что от этого зависит, будут они вместе или нет.

– "Приезжай ко мне", – попросила она.

Они стояли прижавшись, друг к другу. Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

– "Обещай мне, что такого больше никогда не будет. Обещай".

– "Обещаю!", – он крепко поцеловал ее.

Мир снова стал цветным. Они были друг у друга...

Встреча тридцать четвертая (поездка в Иерусалим)

Автобус был почти полон. Несколько свободных мест в глубине автобуса, да и то не вместе. Но им повезло - нашлось два свободных места через проход, так что они сидели рядом и даже могли разговаривать. Но они молчали, думая о своем.

Они ехали в Иерусалим и нужно было собраться с мыслями. Они давно готовились к этой поездке, но все как-то не складывалось, то у него, то у нее. А пару дней назад вдруг все сошлось, и они ухватились за эту возможность. Тем более что они давно не были у Стены Плача и было в чем покаяться и о чем попросить.

Он искоса бросал на нее редкие взгляды и улыбался ей и своим мыслям. Она изменила его мир. И он улыбался, счастливый от того, что она есть в его жизни.

Она изредка смотрела на него и, встречая его взгляд, улыбалась.

Она понимала, что он многое изменил и в ней самой, и в ее судьбе. Он стал ее светом, ее "мудрецом-старцем".

Она смотрела на него и улыбалась, чувствуя себя самой счастливой женщиной, потому что у нее был он.

На одной из остановок, женщина, сидевшая рядом с ним, сошла и она пересела к нему.

– "Грустно, когда тебя нет", – прошептал он, губами касаясь ее щеки.

– "Но я, же здесь", – она улыбнулась и сжала его пальцы.

– "Все равно грустно", – он прижал ее руку к своей груди.

Автобус неторопливо приближался к Иерусалиму.

– "А ты знаешь, о чем будешь просить?", – неожиданно спросила она.

– "Вообще-то, об этом не говорят, но тебе я скажу, о любимой", – и он поцеловал ее в губы.

– "А я о любимом", – мысленно улыбнулась она и прижалась к нему.

Потом, через много дней, он будет вспоминать, как стоял, прижавшись к Стене Плача, и, повторяя слова молитвы за родных и близких, добавлял – "и для Неё". Будет вспоминать, как что-то доброе и светлое наполнило его Душу, и как, отходя от Стены он понял, все его мысли только о Ней.

Он будет вспоминать, как позже, сидя в кафе, Она закажет не две порции - для каждого, а одну большую на двоих и будет выбирать самые лучшие куски и подкладывать ему в тарелку, глядя на него глазами полными любви.

Она, вспоминая об этой поездке, будет помнить, что называя имена родных ей людей, называла и Его имя. Она будет помнить, что, стоя у Стены, признавалась, что Он стал для нее самым родным и близким человеком.

Будет помнить о том, как фотографируя ее на память, он делал вид, что выбирает нужный ракурс, и долго смотрел на нее глазами нежности и тепла.

Она будет помнить, как позже в кафе, рассказывая о чем-то, Он незаметно перекалывал куски в её тарелку и, улыбаясь, светился от счастья.

Это будет потом, через час или два, или через много дней. Но сейчас они сидели в автобусе, едущем в Иерусалим. Сидели, погруженные в свои мысли, взявшись за руки и прижавшись друг к другу.

Им никто не был нужен. Они были друг у друга.

Встреча через много дней (пикник)

Они стояли, прижавшись, друг к другу. Она спрятала заплаканное лицо у него на груди. Он крепко поцеловал её и посмотрел ей в глаза.

– "Не оставлю тебя! Никогда тебя не оставлю! И никому не отдам!".

* * *

Ранний звонок не был неожиданным, более того, она ждала этого звонка.

– "Доброе утро, Жизнь моя! Я уже здесь. Ты готова?" – голос его, как всегда, внушал спокойствие и уверенность.

– "Да-да, я готова и уже выхожу".

– "Привет!", – закрывая дверь машины, она смотрела на него счастливыми глазами. Она любила эти их встречи, когда можно прижавшись к нему, сказать без слов как сильно она его любит.

– "Привет!", – он прикоснулся к ее руке, и это прикосновение было красноречивее многих слов.

– "Поехали?", – улыбнулся он.

– "Поехали", – кивнула она.

Они давно собирались поехать куда-нибудь в лес, или в горы, чтобы побыть вдвоем вдали от городской суеты.

Он направил машину на север, туда, где у подножия гор по берегам небольшой реки рос сосновый лес. Ключья серого тумана повисли над дорогой и лежащими вокруг полями. Дорога была свободной. Он искоса поглядывал на неё. Она откинула спинку сиденья и, удобно устроившись, сидела, повернувшись к нему и закрыв глаза. Ехать было недолго.

Минут через тридцать он въехал в лес. Остановившись недалеко от берега реки возле небольшой поляны, он достал из машины сумку с дорожными принадлежностями и едой.

– "Будем раскладываться?" – она посмотрела на него.

– "Будем, но сначала...", – он крепко обнял и поцеловал её.

Она ловко расстелила под сенью дерева небольшое покрывало и начала накрывать импровизированный стол.

– "А давай костер разведем, тогда можно будет и чай горячий попить", – предложила она.

– "Давай", – он улыбнулся ей.

– "Тогда ты иди и набери сухих веток, а я принесу воды", – и она принялась освободить небольшое металлическое ведерко от пакетиков чая, сахара и конфет. Он послушно направился вглубь леса за хворостом и сухими ветками.

Она, захватив ведерко, спустилась к речке. Но вода оказалась ей мутной, и она пошла вдоль берега, надеясь найти какую-нибудь заводь с чистой водой. В лесу царили густая тишина и спокойствие. Высокие сосны подступали к самому берегу реки. Она шла, любуясь окружающей её красотой и отдавшись этому спокойствию. Она не заметила, что далеко ушла от места стоянки.

Неожиданно она увидела небольшую заводь с прозрачной водой. Но, спускаясь к реке, поскользнулась на пологом склоне.

– "Думаю, этого хватит", – сказал он, но не услышал ответа.

Он огляделся. Все было как раньше, только её не было.

Он позвал ее раз, другой, третий. Тревожные мысли побежали у него в голове.

– "Что-то случилось, что-то произошло", – он бросил свою ношу и осмотрелся еще раз. "Она хотела принести воды", – он пошел к реке. Но на берегу никого не было. Тревога усиливалась.

Вернувшись на поляну, он заглянул в машину и осмотрел все снова и снова.

"Что же случилось, пока меня не было?" – тревога переросла в страх, страх за нее.

"Где же она, где?" – он бросился в лес. Ее нигде не было.

"Она ведь хотела набрать воды", – эта мысль не давала ему покоя. Он снова кинулся к реке и вдруг услышал ее крик. Она звала его. Голос ее был испуганным и дрожал. Он побежал на голос.

Она стояла по колено в воде. Заплаканное лицо было перепачкано грязью. Руки, замазанные какой-то жижей, были бессильно опущены.

– "Где ты был?" – в ее голосе звучали страх и обида.

– "Я тебя зову, зову, а ты не идешь. Я испугалась, что осталась одна. Не оставляй меня, слышишь. Не оставляй"...

Они стояли, прижавшись, друг к другу. Она спрятала заплаканное лицо у него на груди. Он крепко поцеловал её и посмотрел ей в глаза.

– "Не оставляю тебя! Никогда тебя не оставлю! И никому не отдам!" – он держал в своих объятиях целый мир. Они были вместе.

Им никто не был нужен. Они были друг у друга.

Встречи через сотни километров... (Разлука)

– "Знаешь, я уезжаю", – сказала она как-то во время одной из встреч.

– "Как это? Куда?" – голос его дрожал.

– "Решили поехать отдохнуть".

Он немного успокоился - она и раньше уезжала с семьей отдыхать. И хотя он очень скучал, но они часто созванивались и подолгу говорили друг с другом. Да и поездки эти были недолгими - четыре - пять дней.

– "Ты не понял", - ее голос вернул его на землю.

– "Мы уезжаем за границу на две недели, с семьей".

– "А звонить можно будет? – спросил он, хотя понимал, что это практически не возможно – она почти постоянно будет со своими родными, да и звонки такие слишком не реальны.

"...а как же я?", – подумал он и внутри него что-то оборвалось.

Она увидела, как он побледнел, и, прижавшись к нему, сказала,

– "Я знаю, ты сможешь - ты сильный. И я буду очень скучать. И, потом, мы будем переписываться в интернете".

– "Обещай мне, что не будешь грустить. Обещай".

– "Обещаю", – голос его был почти не слышным.

О том, что они не увидятся больше трех недель, он поймет гораздо позже.

"Нужно, за оставшиеся дни до поездки, встречаться как можно чаще - сделать, так сказать "задел", – думал он. Но тогда он не понимал еще, что этот "задел" сделает разлуку более мучительной и долгой.

За оставшуюся неделю до разлуки они встретились трижды. Они гуляли по незнакомым улицам, сидели в кафе, говорили о многом и разном, но чаще молчали, всматриваясь в такие родные глаза и лица друг друга.

Она, зная о его тонко чувствующей и легко ранимой душе, очень волновалась за него. Зная, что он, окруженный семьей и знакомыми, все равно будет одинок без нее, она сильно переживала, хотя и не показывала этого и все время шутила и смеялась.

Он понимал, что не может отпустить её грустной и печальной от себя, говорил о своей любви к ней, о той нежности, которую он испытывает. Он понимал, что она должна уехать отдыхать с легким сердцем, и как мог, успокаивал ее, обещая не грустить и ждать её возвращения и встречи. Прощаясь, он крепко поцеловал ее.

– "Отдыхай и наслаждайся жизнью, а я дождусь. Я очень люблю тебя! Ты моя Жизнь!" Она прижалась к нему, вдыхая его запах, такой родной и близкий.

В день отъезда они много переписывались, ей даже удалось позвонить из аэропорта.

– "Жди меня! Жди и не грусти!", – просила она, понимая о том, что просит почти невозможного.

– "Да, да, обещаю. А ты ни о чем не думай – отдыхай, я дождусь!", – обещал он, даже не подозревая о том, как тяжело будет ему сдержать это обещание.

Первые дни не было ни звонков, ни сообщений, но он терпеливо ждал, понимая, что связано это с устройством и прочими житейскими проблемами.

Когда на исходе второго дня пришло короткое сообщение, что у нее все в порядке, но есть проблемы с интернетом, он вздохнул с облегчением. Но потом наступило долгое молчание. Конечно, он мог написать и сам, что он и сделал однажды, не выдержав молчания, но ему не хотелось беспокоить ее. Он по нескольку раз в день заглядывал на ее "страницы" в интернете, каждые полчаса - час проверял сообщения по телефону.

Потом, позже, он поймет, что ждал не сообщений - он искал её.

Он снова и снова перелистывал ее фото – вдруг есть новые, снова и снова перечитывал их последнюю переписку – вдруг он что-то пропустил или не понял. Но все было напрасно. По ночам он не мог уснуть и просто лежал с открытыми глазами. Стоило ему закрыть глаза, как "страшные" видения и мысли наполняли его комнату.

"Конечно, она там не одна. Она с ним. Многие пары часто совершают такие путешествия, чтобы укрепить свои отношения. Они сейчас... А я опять один и никому не нужен".

Чтобы забыться и уйти от этих своих мыслей, он оставался на сверхурочную работу. Он почти не разговаривал, потому что никому не мог рассказать о том, что творится у него в Душе. Раньше у него была она, которой он доверял беспредельно. Но сейчас ее не было - она уехала. И пустота вокруг него становилась все больше и больше. Но эта пустота его не пугала - он боялся пустоты внутри себя, которая, как огненная лава, сжигала все светлое в его душе, оставляя пепел и черноту.

Но тут случилось непредвиденное. В одну из таких ночей, когда сна не было, и, он снова просматривал ее фото, она вдруг появилась в интернете.

– "Как ты? Рассказывай", – перед ним мелькнул свет.

Она написала ему, что у нее все хорошо. Рассказала о том, как красиво там, где она сейчас, о том, что сделала много новых фото и попросила разрешения поместить их на своей странице.

"Тебе можно все, Жизнь моя!", – своей обычной фразой ответил он.

– "Но на фото я не одна – с ним. Вдруг тебе это будет неприятно", – не желая причинить ему боль, она ударила его в самое сердце.

Едва забрезживший свет внутри него погас. Пелена боли заполнила его глаза. Все то, что мучило его воображение, приобрело реальные формы.

– "Он твой муж", – сдерживая усилием воли свои эмоции, написал он, – "и от этого не уйти. Я все понимаю. Тебе можно все".

Она, почувствовав какую боль, причинила ему, писала о том, как отдыхает и как там здорово, и что ей очень жаль, что его нет рядом. Писала, что скучает по его голосу, по его поцелуям и объятиям. Писала, чтобы он не грустил, что она вернется и все будет как раньше.

Но он, боясь не сдержаться и совершить непоправимое, быстро закончил разговор и попрощался. Мысли, одна страшнее другой, заполнили его истрадавшуюся и плачущую душу.

"Ничего не будет как раньше... И вообще ничего уже не будет... Ничего и никогда...".

Он не знал еще, что Тепло и Свет, которыми они делились друг с другом, и, которые так бережно хранили в своих сердцах, уже никогда не исчезнут. Что эта разлука, была лишь проверкой на прочность их чувства. Он этого не знал. Но когда "улеглись страсти" в его душе, он вдруг понял, что не может потерять ее. И вся боль исчезла, и внутри него снова горел Свет – ее Свет.

Он чувствовал, что она сейчас тоже не спит и понимает, что происходит с ним. Он чувствовал, что она с ним рядом.

Он снова начал просматривать ее фото и понял – она с ним не расставалась. Вот серьги в виде полу дуги – его подарок, вот обувь на ее ногах, приглянувшаяся ей во время одной из совместных прогулок и купленная им неожиданно для них обоих, и многое другое – это все он. Она взяла его с собой и не расстается с ним никогда. И тогда он написал

ей две фразы. Всего две фразы, которые чистым дождем омыли его Душу.

– "Я не могу жить без тебя! Ты мне очень нужна!", – он прекрасно понимал, что это уже не просто слова. Он понимал, что она навсегда "поселилась" в его сердце и теперь ему не страшны никакие разлуки.

Она понимала, что происходит и хотела быть рядом с ним. Она понимала, что может потерять его, потерять то Тепло, которое он дарил ей. Она всей душой стремилась к нему, желая помочь и поддержать его. Мысленно она говорила с ним, признаваясь в том, что очень сильно любит его и скучает по нему. Признавалась, что специально взяла с собой его подарки, чтобы всегда ощущать его присутствие рядом с собой.

И когда телефон просигналил о принятых сообщениях, она поняла – он тоже ее очень любит и тоже очень скучает. Она поняла, что уже не сможет расстаться с ним, не смотря на расстояния и время.

Между ними были тысячи километров, но они были вместе.

Они были друг у друга.

Встреча через много лет... (в следующей жизни)

Он шел по улице. Невысокий, чуть выше среднего роста, открытое лицо и внимательный, устремленный куда-то вдаль взгляд. Он шел и привычно всматривался в лица прохожих, пытаясь увидеть их глаза. Он искал её.

Он не знал ее и никогда не видел, но часто видел в ночи её глаза, живые и добрые, на самом дне которых жила улыбка – его улыбка. Он тщетно искал этому объяснение, но не находил. Он искал женщину, которую никогда не видел и в глазах которой живет его улыбка. Он искал женщину, которую никогда не знал, но он знал, что скажет ей,

и именно по этим словам она его узнает. Он не понимал происходящего, да и не пытался понять. Он просто искал женщину, вглядываясь в лица и глаза прохожих.

Неожиданное чувство беспокойства заставило его остановиться. Навстречу ему шла девушка. Среднего роста, стройная и миловидная она излучала спокойствие. Заметив его взгляд, она замедлила шаг. Она никогда раньше не видела его, но...

Он подошёл ближе и посмотрел ей в глаза.

– "Это ты, я нашел тебя", – сказал он и засмеялся.

Засмеялся смехом счастливого мальчишки, который она слышала часто во сне. Она не видела мальчишку, но слышала его голос и смех. Она знала тембр и интонации его голоса и знала, что он скажет при встрече. И сейчас, вслушиваясь в такой знакомый смех, она трепетно ждала его слов.

– "Это я, ты помнишь меня? Я ждал тебя. Ты слышишь, я ждал тебя. Никогда тебя не оставлю и никому не отдам – ты моя Жизнь".

Он взял ее за руки и снова засмеялся счастливым смехом – "я нашел её", – пела его Душа.

А она счастливая стояла прижавшись к нему и улыбалась - это был он. Это он по ночам говорил ей о своей любви и обещал ждать. Это он называл ее своей жизнью и смеялся как мальчишка.

Они стояли взявшись за руки и прижавшись друг к другу посреди улицы. А мимо, не обращая на них внимания, шли куда-то спешащие люди.

Но они никого не видели.

Им никто не был нужен. Они были друг у друга.

*"Навек застывшие мгновенья
откроют в прошлое окно..."*

Мама и папа. Светлая память.

Наследники - Владислав, Светлана, Михаил.

Семья Владислава.

Семья Светланы.

Семья Михаила.

Москва. В гостях у профессора Соломоновой Ю.Р.

Фото на память после встречи с читателями.

Родос. На отдыхе с друзьями.

Эйлат.
На отдыхе
с друзьями.

Питер, Московский вокзал.
Неожиданная встреча с почитателем из Ростова.

Перед началом поэтического вечера.

Поэтический вечер.

Встреча с читателями.

Автограф на память.

На концерте.

Роман Хизгилов, Шауль Симан-Тов, Семён Гаврилов.
Декабрь, 2014 год.

Семён Гаврилов и Шауль Симан-Тов. Март, 2018 год.

С Борисом Атниловым на презентации книги
Даниила Атнилова. Декабрь, 2014 год.

С Шаулем Симан-Тов, Фридой Юсуфовой, Мириам Хейли,
Шабтаем Агаруновым и Львом Абрамовым
на литературной встрече. Ноябрь, 2011 год.

С Марией Евдаевой и Шаулем Симан-Тов в Азербайджанском Культурном Центре «АзИз». Декабрь, 2017 год.

На литературной встрече. Ноябрь, 2014 год.

СОДЕРЖАНИЕ :

Раздумья. Зарисовки. Эссе.

Следы на земле	4
Огонь свечи	5
Первая встреча	6
Две чашки кофе	8
Спутник	9
Утро в деревне	10
Любовь Женщины	11

Сказки.

Сказка о Верности и Любви, или почему зажигают маяки	14
Сказка про День и Ночь, Утреннюю Зарю и Вечерний Закат ...	15
Сказка о красавице Луне, благородном Волке и коварном Пауке	16
Две реки (<i>новая сказка о любви</i>)	18
Люди – птицы (<i>цыганская легенда</i>)	20
Родник и колодец (<i>сказка</i>)	21
Сосна и Дуб (<i>сказка</i>)	23
Три дороги (<i>сказка</i>)	24
Сказки гончарного круга. Вместо предисловия	25
Сказка о гончаре и его сыне	26
Волшебная нить	29
Сказка о прекрасном юноше и полетах во сне и наяву	32
Свеча и мотылек	34
Волшебное озеро	35
Дороги судьбы	38
Сказка о простом и вечном	41
Дороги, которые мы выбираем (<i>размышления на тему...</i>)	43

Рассказы. Повесть.

Мальчик с большим сердцем	46
Первый шаг	47
Прыжок	51
Свидание (<i>не вымысел</i>)	54

Ссора	55
Наедине с собой	58
Чудо	61
Встреча с	62
Королева (<i>исповедь женщины среднего возраста</i>)	65
Двое	71
Близость (<i>история любви</i>)	74

Семён Гаврилов
Следы на Земле

Вёрстка и художественное оформление:
Шауль Симан-Тов

Печатается в авторской редакции.

Сборник подготовлен к изданию и выпущен
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
при поддержке фонда СТМЭГИ.

Подписано к печати: 28.04.2019
Гарнитура: Times

Отпечатанно в Израиле.

www.sholumi.com - sholumi@gmail.com

© Центр “Sholumi”, 2019
© Семён Гаврилов, 2019